

ГЛАВА I.

Пѣніе въ христіанской первоцеркви.

§ 6. Отъ доисторическихъ временъ люди приписываютъ изящнымъ искусствамъ вообще и музыкѣ въ особенности морализующее дѣйствіе. Поэтому всѣ древнія религіи пользуются въ мѣру своей ДУХОВНОСТИ зодчествомъ, живописью, поэзіей и музыкой для воздѣйствія на нравственность вѣрующихъ. И музыка, какъ средство пробуждающее, воспитывающее и наиболѣе выраждающее чувство, всегда признается необходимой въ ритуалѣ богослуженій. Посему и въ христіанствѣ употребленіе пѣнія, какъ благоугоднаго приношенія Богу, освящено примѣромъ божественнаго Основателя его (Мѳ. XXVI, 30 и Мар. V, 19) и покоится на завѣтахъ свв. Апостоловъ („Постан. Апост.“, Кол. III, 16, Ефес. V, 18, 19; Іак. V, 13; Дѣян. XVI, 25) и Отцевъ церкви (Діонисій Ареопагитъ, Іероѳей Аѳинскій, Игнатій Богоносецъ, Поликарпъ Смирнскій и мн. др.).

Миѳы обѣ Аполлонѣ, Орѳеѣ и Аріонѣ у грековъ,—о богѣ Пта, Озирисѣ и Тотѣ у египтянъ,—о Фо-Хи у китайцевъ,—о Сарасвати, Наредѣ, гандхарвахъ и апсаразахъ у индусовъ,—о различныхъ божествахъ и божественныхъ людяхъ у другихъ народовъ, плѣнявшихъ, укрощавшихъ и очаровывавшихъ музыкой людей и животныхъ,—имѣютъ въ своей основѣ идею о могущественномъ вліяніи музыки не только на человѣка, но и на всю природу,—идею о томъ, что музыка смягчаетъ сердца и нравы, укрощаетъ самыя дикія существа, самыя звѣрскія наклонности и страсти.

Признавая музыку самымъ мощнымъ средствомъ воздѣйствія на духовный міръ человѣка,—всѣ древніе основатели религій и служители послѣднихъ пользовались этимъ искусствомъ для соотвѣтственнаго цѣлямъ своимъ вліянія на людей.—Одни употребляли музыку какъ наркозъ, заглушающей голосъ совѣсти, погашающей свѣтъ разума и разжигающей нечистыя страсти,—когда желали увлечь религіозныхъ адѣптовъ въ постыдныя оргіи своего культа; другіе же—какъ нѣкоторый нектаръ, возбуждающей нравственную чуткость, возносящей мысли горѣ и умягчающей чувства—это съдалище вѣры,—дабы сдѣлать вѣрующихъ причастниками высшихъ стремленій, добрыхъ дѣлъ и подвиговъ благочестія.

По образу непрерывно совершающагося богослуженія въ церкви небесной,—гдѣ святыя безплотныя силы немолчными гласами прославляютъ величие Божіе *),—Спаситель благоволилъ примѣромъ своимъ на Тайной Вечери—первомъ христіанскомъ богослуженіи—освятить пѣніе своей земной церкви.

Святые Апостолы и Отцы церкви весьма прилежали дѣлу пѣнія, и трудами ихъ оно процвѣло и наполнило собою весь обрядъ богослужебный.

Въ вѣкъ апостольскій утвердился обычай заниматься псалмопѣніемъ въ третій, шестой и девятый часъ и въ часъ полуночный (Дѣян. XVI, 25). Съ гимнами апостолы погребали мертвыхъ, какъ это опредѣлено „Апостольскими Постановленіями“ и было при успеніи Богоматери, равно какъ и при погребеніи первомученика и архидіакона Стефана **).

И послѣ временъ апостольскихъ церковь христіанская крѣпко хранила преданіе этихъ временъ, почему и продолжала прославлять Господа на своихъ богослуженіяхъ благолѣпнымъ пѣніемъ ***).

§ 7. Отцы церкви узаконили для Церкви употребленіе только вокальной музыки, руководясь при этомъ примѣромъ Спасителя и Апостоловъ, а также имѣя въ виду особую естественность и тонкость человѣческаго голосового органа и возможность соединенія музыки съ соответствующимъ текстомъ;—инструментальную же музыку—какъ имѣющую слишкомъ мірской и чувственій характеръ и сообразно этому заключающую въ себѣ

*) Егда сотворени быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ велімъ вси Ангели мои. (Іов. гл. 38, ст. 7).

Видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и Серафими стояху окрестъ Его, и взываху другъ ко другу и глаголаху: Святы, Святы Господь Саваоѳъ: исполнъ вся земля славы Его. (Іс. ст. 1—3). И внезапу бысть со Ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога, и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе. (Лук. II, 13). И по сихъ слышахъ гласть велій народа многа на небеси, глаголющаго: аллилуія; спасеніе и слава и честь и сила Господу нашему. (Апок. гл. 19, ст. 1).

И видѣхъ и слышахъ гласть Ангеловъ многихъ окрестъ престола и животныхъ и старцевъ, и бѣ число ихъ тысяча тысячами, глаголюще гласомъ великимъ: достоинъ есть агнецъ заколенный пріяти силу и богатство и премудрость и крѣпость и честь и славу и благословеніе. (Апок. гл. 5, ст. 11—12).

**) Извѣстно, что ученики св. Игнатія Богоносца, послѣ мученической смерти святого отца, провели много ночей, воспѣвая гимны и поя о жизни и мученіяхъ его, и что они похоронили его съ пѣніемъ псалмовъ. Св. Ипполитъ опредѣляетъ, чтобы ради скончавшихся братьевъ нашихъ мы проводили три дня въ пѣніи псалмовъ и молитвахъ въ честь возставшаго въ третій день Господа нашего. Григорій Богословъ о смерти Константина Великаго пишеть, что послѣдній торжественно напутствуется похвалами и надгробными рѣчами всего міра и всеночными пѣніями. Григорій Ниссий, описывая похороны сестры своей Макрины, говоритъ, что іереи и діаконы сопровождали умершую при пѣніи псалмовъ, образовавши хоры, а когда вошли въ храмъ, пѣніе псалмовъ смѣнилось молитвою, и потомъ пѣли гимны.

***) Спаситель воспѣль, чтобы и мы пѣли подобнымъ же образомъ. (Іоанн. Злат.).

удовольствіе безъ пользы—строго запретили въ богослужебной практикѣ („Апост. Постан.“). Отцами церкви не только удалена инструментальная музыка въ чистомъ видѣ, но не дозволено даже соединеніе ея съ вокальною, для того чтобы она не нарушала хода мыслей воспѣваемаго текста и не возмущала пробуждаемыхъ въ храмѣ чувствъ.

Главнымъ основаніемъ для принятія въ практику Церкви исключительно вокальной музыки—кромѣ превосходства человѣческаго голоса надъ всѣми музыкальными орудіями и несравній ни съ чѣмъ силы обаянія отъ пѣнія хора изъ человѣческихъ голосовъ—были самъ разумъ и цѣли богослуженій христіанскихъ.

Именно,—по разуму своему богослуженія эти суть формы общенія человѣка съ Богомъ. Въ силу этого главное содержаніе ихъ составляютъ возношенія Богу славословій, благодареній и прошеній,—однимъ словомъ—молитвы. Обрядъ же въ нихъ, не исключая даже и самыхъ тайнодѣйствій, образуетъ только поводы для молитвъ, или устанавливаетъ чинъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ здѣсь музыка безъ текста дѣйствительно есть „удовольствіе безъ пользы“. Ибо достиженіе желаемой цѣли богослуженія—общеніе, какъ бесѣда, людей съ Богомъ—становится при этомъ весьма проблематичнымъ. Именно,—музыка безъ текста создаетъ въ человѣкѣ только *настроеніе*. Но настроеніе само по себѣ суть недѣйственное состояніе духа человѣка, и въ непосредственности своей, безъ реализаціи или безъ актуального выраженія (внутренняго или внѣшняго) отрицаются богослуженіемъ для себя, при достижени имъ своихъ и, конечно, совершенно опредѣленныхъ цѣлей,—какъ только почва для всякой возможности, какъ сосудъ для всякаго содержанія, но не самая возможность, но не самое содержаніе. И не входя въ оцѣнку достоинствъ чистой музыки, но ради того только, что она не соотвѣтствуетъ прямому разуму богослуженія, должно отвергнуть ее для Церкви.

Здѣсь представляется, конечно, возможность опровергнуть самый разумъ богослуженія, отвергающаго помощь чистой музыки, но ни какъ нельзя настаивать на введеніи послѣдней въ богослуженіе, пока оно имѣеть такой разумъ. „Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не идутъ“—будетъ совершенно резоннымъ отпоромъ такому домогательству.

Кромѣ того Церковь обязана подчиниться повелѣнію: „основанія бо иного никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Иисусъ Христосъ“ (1 Кор. III, 11), и потому примѣръ Спасителя, воспѣвшаго на Тайной Вечери, долженъ быть неизмѣннымъ основаніемъ для пѣнія ея.

По поводу же существующаго мнѣнія, что чистая музыка можетъ не только создавать тѣ или другія настроенія, но и

вызывать положительные религиозные чувства,—то, не оспаривая его достоверности, должно сказать, что собственно для христианского богослужения не достаточно просто религиозных чувствъ, но необходимы именно христианская религиозная чувства. Иначе говоря—всякъ воленъ устанавливать свою связь (религиозные отношения) съ Богомъ и помощью какихъ угодно средствъ, однако если формы этой связи, какъ и средства для нея не совпадаютъ совершенно съ христианскими установлениями и требованиями на этотъ счетъ,—должны быть христианству чужды даже до отметания ихъ. Для христианина формы и условия этой связи, равно какъ и средства для нея определены и предрешены самимъ званiemъ его.

И если для христианского богослужения требуется наличность не-просто вѣры, но христианской вѣры въ Бога, то, значитъ, и просто религиозная музыка для него можетъ быть неполезной по крайней мѣрѣ. О томъ-же, что богослужение вправѣ не употреблять бесполезныхъ средствъ,—спорить нельзя.—

Настроение само по себѣ или какъ неопределенное, несознанное волненіе духа, какъ безпредметное чувствованіе радости-либо или грусти, боли или сладкаго покоя, удовольствія или лишенія и т. п.,—не имѣть цѣлы для богослужения; но если оно обращается на предметъ, то становится неизмѣримо важнымъ. И богослужение всячески стремится создать въ вѣрующихъ соответственное цѣлью его настроение при помощи наилучшаго въ такомъ случаѣ средства—музыки, и сдѣлать его предметнымъ чрезъ слово, пользуясь для сего вокальной музыкой, представляющей собой единство музыки и слова,—и надѣется чрезъ употребленіе пѣнія въ числѣ другихъ средствъ лучше выполнить свою задачу, состоящую въ питаніи вѣрующихъ „глаголами жизни“, для единственной своей цѣли—спасенія ихъ (вѣрующихъ).

Итакъ, если для цѣлей богослужения необходимо, чтобы вѣрующіе принимали въ немъ если не дѣйственное, то дѣятельное участіе чрезъ воспріятіе слова Божія и переживаніе христианско-религиозныхъ чувствъ,—доказательства въ пользу пѣнія, какъ самого дѣйствительного средства для саго, излишни.

Послѣ же признанія спасенія вѣрующихъ зависимымъ отъ питанія глаголами жизни, необходимо выразить требованіе, чтобы въ церковномъ пѣніи слово (глаголь) Божіе (жизни), составляющее всякое священное пѣснопѣніе, занимало господственное положеніе, а музыка была бы только служительницей его,—средствомъ къ усиленію выразительности, къ обостренію дѣйствія слова; и потому собственно это должно быть такъ, что музыкой образуется только почва (*настроение*), служащая произрастанію съмени — что есть слово. Соответственно этому не только преобладаніе музыки надъ словомъ, или виртуозность и вычурность, но и всякая сложность въ музыку церковной вредить дѣлу богослуженія.

Древній порядокъ употребленія въ Церкви только вокаль-

ной музыки върно блюдуть всѣ православныя церкви: Греческая, Русская, Болгарская, Сербская и другія и кромѣ того—Армянская. Западная церковь, вопреки отеческимъ установлениямъ, допустила употребленіе при богослуженіи инструментальной музыки сначала въ качествѣ простого сопровожденія или опоры для пѣнія, а послѣ и съ самостоятельнымъ значеніемъ. Наиболѣе употребительнымъ въ латинскихъ церквахъ музыкальнымъ инструментомъ является органъ. Но введеній при Людовикѣ Благочестивомъ (882 г.) и канонизованный соборнымъ опредѣленіемъ (Тридентскаго собора), органъ на Западѣ до настоящаго времени еще не употребляется: 1) повсюду въ римской патріархіи во время поста, 2) обычно въ церквахъ Лиона, 3) въ самомъ Римѣ—никогда въ капеллѣ Сикста и во всякомъ храмѣ при служеніи папы. Нужно еще прибавить, что даже изъ западныхъ богослововъ многіе по временамъ не одобряли введеніе въ западныхъ церквахъ музыкальныхъ инструментовъ.

§ 8. По происхожденію своему пѣніе первоцеркви не принадлежало какой либо отдельной народности, но являлось эклектическимъ (составленнымъ по выбору или заимствованію) образованіемъ изъ музыки различныхъ націй съ преобладаніемъ въ немъ греческаго искусства. Положеніе это имѣетъ слѣдующія основанія: 1) Церковь, въ виду весьма разнороднаго по национальностямъ первоначального состава членовъ своихъ, не могла отдать предпочтенія музыкѣ какого либо народа безъ опасенія лишить свое пѣніе характера ЖИВОГО, а потому и ДѢЙСТВЕННАГО языка чувствъ, и въ силу этого 2) избирала все лучшее, удобопрѣмлемое и полезное для себя изъ произведеній искусства, составлявшихъ творчество различныхъ націй,—лишь претворяя оное въ духѣ своеемъ,—и 3) опиралась на теоретическія музыкальные начала и эстетическія принципы эллиновъ, бывшіе единственно устойчивыми базисами въ искусствѣ древняго міра.

Что могло служить руководствомъ для первенствующей Церкви при избраніи ею къ своему употребленію музыки того или другого народа?

Примѣръ Спасителя воспѣвшаго съ апостолами одно изъ пѣснопѣній, несомнѣнно употреблявшихся въ іудейскомъ храмовомъ богослуженіи.

Но близъ времени Спасителя храмовое пѣніе евреевъ было-ли еврейскимъ по происхожденію?

Непосредственного отвѣта на это нельзя дать. Его надо искать въ исторіи религіи іудейскаго народа,—ибо храмовое пѣніе есть лишь одна изъ принадлежностей религіознаго ритуала. Вотъ историческій свитокъ вѣры Израиля.

„Начало идолопоклонства ^{*)}) теряется во мракѣ древности. Говорятъ, что еще Немвродъ, который считается главнымъ руководителемъ при построеніи Вавилонской башни, уже призы-

^{*)} Курсивъ вездѣ нашъ.

валь къ вѣрѣ въ иныхъ боговъ. Потомки Куша (хамиты) изъ Вавилона принесли съ собой новую вѣру и на югъ Месопотамії, въ г. Уръ, гдѣ ими былъ построенъ огромный храмъ богу-лунѣ. Въ соседнемъ городѣ Эрехѣ существовалъ также огромный храмъ въ честь звѣзднаго неба. Такимъ образомъ, первоначальнымъ видомъ идолопоклонства было почитаніе свѣтиль небесныхъ. Означенные храмы существовали, какъ видно изъ вавилонскихъ памятниковъ, за 150—200 л. до Авраама (2300—2350 л. д. Р. Х.). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось въ Месопотамії идололюбіе, и потому Авраамъ былъ удаленъ Богомъ оттуда.

Въ потомствѣ Авраама чистая вѣра сохранялась только въ родѣ Исаака. Проче его потомки уклонились въ идолоислуженіе. Но и въ потомствѣ Исаака, именно въ семействѣ его сына, Іакова, была склонность къ почитанію идоловъ, которую Іаковъ старался уничтожить. Живя въ Египтѣ, евреи также, вѣроятно, заражались идолопоклонствомъ. Во время путешествія по пустынѣ Синайской они также выражали склонность къ идолопоклонству, а когда вошли въ землю Ханаанскую, то быстро обратились къ служенію идоламъ. По временамъ суды своимъ примѣромъ отвлекали народъ израильскій отъ идолопоклонства, но это было только краткими свѣтлыми промежутками. Скоро евреи опять погружались въ идолопоклонство. Только Самуилъ заставилъ ихъ бросить идоловъ. При немъ, а равно Саулѣ и Давидѣ идолопоклонства у евреевъ не было, но зато при Соломонѣ оно снова разцвѣло на ряду съ служеніемъ истинному Богу. Ровоамъ, сынъ Соломона, и его ближайшіе преемники также не были свободны отъ склонности къ идолоислуженію. Въ это время Іеровоамъ, израильскій царь, сталъ чтить Бога подъ видомъ тельцовъ и ставить Ему, вопреки закону, жертвенники въ разныхъ мѣстахъ. Со времени Ахава въ израильскомъ царствѣ водворяется крѣпко уже *настоящее язычество*—поклоненіе Баалу и Астартѣ. Іиуй на нѣкоторое время подавилъ эту мерзость, но послѣдующіе цари не могли сопротивляться влечению народа къ идолопоклонству, и въ царствѣ израильскомъ до самаго его паденія, на ряду съ культомъ тельцовъ, существовало и поклоненіе языческимъ богамъ. Родственныій союзъ іудейскаго царя Іоасафата съ Ахавомъ послужилъ причиной того, что *настоящее идолоислуженіе* занесено было и въ царство іудейское. При преемникахъ Іоасафата до Озіи это зло поддерживалось въ царствѣ іудейскомъ, но послѣ Озіи и Іоафама Ахазъ началъ строить жертвенники языческимъ богамъ повсюду, а храмъ іерусалимскій даже заперъ. Затѣмъ Езекія возстановилъ истинное богослуженіе и уничтожилъ языческие жертвенники, но зато при Манасіи *идолоислуженіе* возобновилось съ удвоенною силою. Іосія сдѣлалъ послѣднюю попытку уничтожить великое зло жизни іудейской, но реформы его не привились и послѣ него *идольскіе жертвенники* существовали въ іудѣѣ до самаго конца іудейскаго царства. Только плѣнь вави-

лонскій положилъ границу между прежними грѣховными влеченіями іудеевъ и новою ихъ привязанностью къ истинной религії". (Н. Розановъ).

Если эпохи истинной вѣры и идолопоклонства евреевъ обозначить въ цифрахъ, то окажется,—

Эпохи вѣры:	Эпохи невѣрія:
Отъ потопа до столпотворенія вавилонскаго . . . . . 540 л.	Отъ столпотворенія вавилонскаго до Авраама . . . . . 598 л.
Отъ Авраама до переселенія Іакова въ Египетъ . . . . . 217 л.	Отъ переселенія въ Египетъ до исхода . . . . . 214 л.
Отъ исхода изъ Египта до начала правленія судей. 73 г.	Отъ начала правленія судей до Самуила . . . . . 441 г.
Отъ Самуила до Смерти Соломона . . . . . 173 г.	Отъ смерти Соломона до Езекіи . . . . . 253 г.
Отъ Езекіи до Манасія 29 л.	Отъ Манассія до возвращенія изъ плѣна вавилонскаго . . . . . 162 г.
Отъ возвращенія изъ плѣна вавилонскаго до Рождества Христова . . . . . 536 л.	
1568 л.	1668 л.
	100 лѣтъ.

что по количеству времени идолопоклонство преобладаетъ надъ вѣрой.

Этотъ минусъ въ вѣрѣ евреевъ долженъ увеличиться, если будетъ принято въ соображеніе, что попытки къ возстановленію истинной религії не всегда увѣнчивались полнымъ успѣхомъ:—пророки или цари поборали противъ невѣрія, а масса народная занимала положеніе побораемой—собственно только подлежащей обращенію въ вѣру, но еще невѣрующей; при чемъ было возможно, что моментъ полнаго обращенія побораемыхъ далеко не совпадалъ съ началомъ миссионерской дѣятельности ревнителей вѣры,—иногда же онъ еще не успѣвалъ наступить, какъ волею Божію народъ терялъ своихъ пророковъ, а цари его оказывались снова вовлечеными въ невѣріе.—Вѣдь жестоковѣйность еврейскаго народа въ дѣлѣ вѣры засвидѣтельствована Самимъ Господомъ Богомъ.

Нужно ли еще говорить, что вѣра, именуемая еврейской, не была вѣрой еврейскаго народа, но вѣрой еврейскихъ пророковъ

и очень не многихъ царей; что въ твореніи своей религіозной жизни еврейскій народъ не только не принималъ сердечнаго участія, но всячески противился извнѣ навязываемъ ему—на- начиная отъ Моисея—готовымъ формамъ ея.

Послѣ этого кому же было пещись о благолѣпномъ нѣкогда— при Давидѣ и Соломонѣ—храмовомъ богослуженіи и поддерживать связь его съ древними установленіями, когда бывшіе сначала сами первосвященниками, а потомъ имѣвшіе законныя притязанія на званіе первосвященниковъ (саддукеи) еретично- вали, и въ послѣднее время, подъ греческимъ вліяніемъ почти утративъ свою національность, старались согласить религію и обряды своего народа съ таковыми же греческими, и вообще подчинить политикѣ все, относящееся до религіи; когда и самій храмъ, по общему признанію правителей и еврейскихъ и сосѣднихъ народовъ, былъ не *домомъ молитвы*, а политическимъ центромъ еврейства:—Іеровоамъ, искусно замѣнивъ храмъ жертвенниками тельцамъ, разодралъ ризу еврейства и чрезъ то на- всегда погубилъ десять колѣнъ израилевыхъ и для вѣры и для народности; Веспасіанъ сожегъ храмъ іерусалимскій—и осталь- ные два колѣна израилевыхъ до нынѣ въ разсѣяніи; когда и начальники храма и народъ обратили его въ *вертепъ разбой- никовъ*, а праздники Господни—въ ярморочные дни.

Рѣшительно и навсегда должно отвергнуть мысль о томъ, что во время земной жизни Спасителя у евреевъ была еврей- ская храмовая музыка, которая могла послужить перво-основой для пѣнія христіанской церкви.

Неохраняемая чрезъ письменность или непрерывное преданіе, мелодіи пѣснопѣній—псалмовъ и пѣсней пророческихъ—іудей- скаго богослуженія должны были частоискажаться, совершенно утрачиваться, замѣняться новыми и носить отпечатки стилей музыки всѣхъ древнихъ временъ и множества народовъ.

Такое пѣніе не могло быть образцомъ; его даже нельзя было предпочесть всякому другому пѣнію.—Не бывъ многовѣковымъ созданіемъ сердца крѣпко вѣрующаго народа, это пѣніе не обладало и той непрѣходящей красотой и вѣчной силой обаянія, ко- торыя властно покаряли бы себѣ и „парѳянъ и мидянъ и елами- товъ, и живущихъ въ Месопотаміи, во іudeи же и Каппадокіи, въ Понтѣ и во Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, и приходящихъ римлянъ, іudeевъ же и пришельцевъ, критянъ и аравлянъ“ (Дѣян. II, 9—11),—словомъ всѣхъ тѣхъ благоговѣйныхъ мужей „отъ всего языка, иже подъ небесемъ“ (Дѣян. II, 5), которые, по про- повѣди апостоловъ, въ числѣ трехъ тысячи душъ приложились Церкви уже въ пятидесятый день по воскресеніи Господа, и по- томъ во множествѣ изо дня въ день вступали подъ сѣнь хри- стіанства.

Ни это пѣніе, ни какое другое не было въ исключительномъ употребленіи на первыхъ же порахъ христіанского богослуженія, ибо такая исключительность вредила бы дѣлу такого внѣна-

ционального, каѳоличнаго по существу учрежденія, каково суть христіанство. „Законное“ поклоненіе Богу здѣсь смѣнялось по-клоненіемъ „духомъ и истину“. Поэтому, музыка хотя является наиболѣе общечеловѣческимъ языкомъ чувствъ (законъ), всеже не можетъ быть одинаковой для всѣхъ, такъ какъ живость и дѣйственность ея—иначе говоря—откликъ въ сердцахъ—находится въ совершенной зависимости отъ элементовъ народности въ характерѣ музыки (*въ духѣ и истинѣ*).—И если въ пѣніи іерусалимской церкви, состоящей преимущественно изъ іудеевъ, могли преобладать еврейскія мелодіи, то въ церквяхъ другихъ областей этого не наблюдалось.

По свидѣтельству Клиmentа Александрийскаго, Церковь и въ образованіи своего пѣнія—какъ и во всемъ прочемъ—примѣняла эклектическій приемъ:—„хорошо тому, говорить онъ, кто все возводить къ истинѣ, такъ что, выбирая нужное изъ геометріи, музыки, грамматики и самой философіи, онъ сохраняетъ въру нетронутую“ (Строматы, гл. 9).

Это не только не противорѣчило, но прямо было въ духѣ христіанства, по которому слѣдовало *не разрушать законъ, но исполнять*, т. е. требовалось не отринуть міръ, а измѣнить отношенія къ нему *).

Только родные звуки привычныхъ мелодій той музыки, въ которой воспитался человѣкъ, могли затронуть сердце человѣческое и, значитъ, быть для него *живыми и дѣйственными*. Поэтому Церковь не ограничивала себя музыкой какого-либо народа и не устанавливала какихъ-либо опредѣленныхъ напѣ-

*) Напримѣръ первые христіане изъ грековъ не отреклись, заодно съ идолопоклонствомъ, и отъ всего эллинскаго, какъ отъ чего-то идолопоклонническаго и мерзкаго, но свято сохранили наслѣдіе предковъ, т. е. языкъ своего прежняго богослуженія сохранили для молитвъ христіанскихъ и очень многія обычныя обрядности священнодѣйствія древнихъ—для священнодѣйствій христіанскихъ, какъ-то: 1) древніе эллины умывали руки предъ всяkimъ священнодѣйствіемъ,—тоже самое дѣлаютъ христіанскіе іереи предъ совершеніемъ литургіи; 2) жрецъ въ древности окроплялъ всѣхъ входившихъ въ храмъ масличной вѣтвью,—христіанскій іерей, послѣ освященія воды, окропляетъ ею вѣрныхъ; 3) древніе освящали воду для очищенія преступниковъ и такое очистительное свойство хотѣли придать ей, погружая и погашая въ ней зажженный факель, бравшійся изъ горѣвшаго жертвеннаго костра,—въ христіанствѣ, подобнымъ образомъ, іерей освящаетъ воду и дѣлаетъ ее водою очищенія, погружая въ нее Честный Крестъ и освящаетъ вѣрующихъ, окропляя ихъ этой освященной водою; 4) древніе у назначеннаго въ жертву животнаго отрѣзали съ головы нѣсколько шерстинокъ и бросали ихъ въ огонь,—тоже дѣлаетъ христіанскій іерей, состригая волосы съ головы крещенаго ребенка и бросая ихъ потомъ въ купель; 5) древніе во время молитвы воздѣвали руки къ небу,—точно также воздѣваютъ ихъ во время молитвъ христіанскіе іереи и сами христіане вообще; 6) при священныхъ возліяніяхъ и жертвахъ древніе эллины употребляли вино, преимущественно—чистое и неподмѣшанное,—подобно сему и у христіанъ іереи совершаютъ литургію на чистомъ и исключительно-виноградномъ винѣ; 7) древніе для умилостивленія боговъ употребляли куренія,—и у христіанъ богослуженіе часто сопровождается воскурениемъ, и именно—ладона. (Пападопуло).

вовъ, но поощряла членовъ своихъ къ творчеству въ п'яніи:— „Братіе! егда сходитеся, кийждо въ васъ псаломъ имать“ (Корине. XIV, 26).

„По умовеніи рукъ и возженіи свѣтильниковъ, пишеть Тертулліанъ (Апол. гл. 29), каждый вызывается на средину п'еснословить Господа, кто какъ можетъ отъ святаго писанія или отъ своего ума“.

Если въ отношеніи текста п'есноп'яній Церковь допускала полную свободу,—а вѣдь въ немъ могло содержаться (да и содержалось) учение религіи,—тѣмъ менѣе основаній предположенію о существованіи въ Церкви опредѣленныхъ напѣвовъ или осо-бай музыки.

Однако общая заповѣдь—„вся же благообразно и по чину да бывають“ —устава церковнаго и при этой свободѣ могла соблюдаваться во всей своей силѣ. Регуляторомъ церковнаго чина, какъ и всей жизни христіанъ, былъ „духъ Христовъ“. По отношенію къ п'янію духъ этотъ могъ выражаться въ характерѣ мелодій. И исповѣдники религіи кротости и смиренія сердечнаго (Ме. XI, 29) должны были пѣть весьма просто, безъискусственно, употребляя напѣвы торжественные, величавые, умилильные, и совершенно избѣгая слишкомъ мелодичной и, тѣмъ болѣе, бурной, страстной и бойкой музыки, осужденной даже самими язычниками (Платонъ). На совершенную простоту, общедоступность и вразумительность изначального п'янія Церкви указывается многими мѣстами у св. отцевъ и, особенно, горячимъ протестомъ Іоанна Златоустаго противъ увлеченія п'яніемъ мірскимъ, театральнымъ, отражавшемся въ его время на церковномъ п'яніи. „Мы желаемъ и требуемъ, чтобы вы, вознося божественныя п'есноп'янія—говорилъ онъ—были проникнуты великимъ страхомъ и украшены благоговѣніемъ и такимъ образомъ возносили ихъ. Ибо изъ присутствующихъ здѣсь есть люди, которые, не почитая Бога и считая изреченія Духа обыкновѣнными, издаютъ не-стройные звуки и ведутъ себя нисколько не лучше бѣснующихся, колеблясь и двигаясь всѣмъ тѣломъ, и показывая нравы, чужды духовному бѣнію. Тебѣ надлежало съ благоговѣйнымъ трепетомъ возглашать ангельское славословіе, а ты переносишь сюда обычай шутовъ и плясуновъ, неприличнымъ образомъ подъемля руки, притопывая ногами и повертываясь всѣмъ тѣломъ. Какъ ты не боишся и не трепещешь? Развѣ не знаешь, что здѣсь невидимо присутствуетъ самъ Господь, измѣряя движенія каждого?... Но ты не разумѣешь этого потому, что слышанное и видѣнное тобою на зрѣлищахъ помрачаетъ твой умъ, и потому совершающее тамъ ты вносишь въ церковные обряды, обнаруживая безсмысленными криками беспорядочность души твоей“.

Въ первый вѣкъ, когда то, чѣмъ св. Златоустъ надѣялся образумить современныхъ ему безчинниковъ—невидимое присутствіе Господа, назирающаго человѣка, весьма живо ощущалось

върющими,—одними чрезъ постоянное памятованіе о бывшихъ непосредственныхъ общеніяхъ съ Господомъ, другими чрезъ близкое духовное общеніе съ *самовидцами и слугами Слова*,—богослуженіе совершалось съ великимъ благоговѣніемъ, чинно.

Всякая сложность въ напѣвахъ церковныхъ была неумѣстна и потому, между прочимъ, что могла служить препятствіемъ участію въ пѣніи всѣхъ членовъ молитвенного собранія. Между тѣмъ народное пѣніе широко практиковалось въ первенствующей церкви (Плиній младшій—62—110 г.).

Духовный характеръ христіанства регулировалъ пѣніе только, конечно, со стороны его чина, общаго направленія въ выраженіи или характера; но что служило ему регуляторомъ или, лучше, основой съ технической стороны, т. е. какими образцами оно пользовалось въ отношеніи художественности, стиля, вкуса, теорії?

Мыслями, высказанными ранѣе сего—при обсужденіи состоянія музыкального искусства предъ возникновеніемъ христіанства—о музыкѣ еврейской, греческой и римской, въ значительной степени подготовлено рѣшеніе настоящаго вопроса,—и онъ должно быть таково:

Пѣніе первенствующей христіанской церкви утверждалось на художественныхъ принципахъ и теоретическихъ основахъ древне-эллинской музыки.

И еслибы не существовало мнѣній, противорѣчащихъ этому рѣшенію,—не было бы и нужды доказывать и тѣмъ болѣе защищать его.

Теперь же необходимо сдѣлать и то и другое. „Эллинская цивилизациѣ еще ранѣе возникновенія Церкви христіанской, во времена безпредѣльного владычества Александра Великаго занесенная изъ Эллады, проникла въ отдаленные страны Азіи—отъ границъ Македоніи до Индіи и отъ Каспія до Эфіопіи, особенно же привилась въ Малой Азіи, Арменіи, Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ. При преемникахъ же великаго македонскаго завоевателя, Птоломеяхъ и Селевкиахъ, греческій языкъ, греческая музыка, всѣ греческія искусства и науки и весь греческій жизненный укладъ настолько укрѣпились въ большей части значительныхъ городовъ, созданныхъ греческими переселенцами на Востокѣ, что въ Тарсѣ, напр. (городѣ Киликіи и родинѣ и мѣстѣ первоначального обученія еврея по происхожденію и великаго апостола языковъ Павла) были греческія школы, славившіяся, по свидѣтельству Страбона, болѣе, чѣмъ школы въ Афинахъ и Александріи, своими уроками по философіи и всей постановкой воспитанія вообще. Послѣ того какъ эллинизмъ, при помощи греческой цивилизациѣ утвердился въ Азіи, въ Палестинѣ возникаетъ христіанство, которому восточный эллинизмъ передалъ самый совершенный и художественный языкъ того времени—греческій, на которомъ—и только на немъ—и могли быть выражены высокія истины и мысли новой религіи для ихъ распро-

страненія и передачи всему Востоку; онъ провелъ въ христіанство и греческую музыку, которая ко времени основанія христіанской Церкви считалась выше всякой иной по широтѣ и силѣ. Поэтому и всѣ христіанскія церкви при основаніи своею усвояли для богослужебныхъ цѣлей мелодіи языческой музыки эллиновъ". (Пападопуло). Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній отрицать пріемлемость предположенія, что многіе древніе *Номы* (Nomos—установленный напѣвъ), употребленіе которыхъ считалось древними мудрецами и всѣми блюстителями нравовъ народныхъ полезнымъ для нравственно-воспитательныхъ цѣлей, были заимствованы цѣликомъ или же послужили образцами для христіанскихъ гимновъ.

То обстоятельство, что предъ самымъ началомъ христіанства у самихъ грековъ эти *Номы* вышли изъ употребленія, замѣнившись мелодіями „уладочнаго“ стиля, не должно служить препятствиемъ къ принятию указанного предположенія. Дѣйствительно, по тѣмъ или инымъ причинамъ сами греки могли утратить сокровища своего творчества, потерявъ вкусъ къ нимъ, но развѣ же это указъ другимъ народамъ, которые, получивъ нѣкогда эти сокровища отъ грековъ, сберегли ихъ въ полной сохранности и благоговѣли предъ ними; или—лучше—христіане изъ грековъ, зная, что на родинѣ ихъ въ свое время на все выкованы вѣчные образцы, обратились на поиски музыкальныхъ антиковъ Эллады, и, найдя ихъ, въ наставшее время использовали.

Аналогичный примѣръ у насъ на глазахъ. Болгарія—первая устроительница и совершительница христіанского богослужебнаго чина на Руси—совершенно утратила свое—болгарское—пѣніе съ его семіографіей (нотописаніемъ). И теперь, когда она поетъ мелодіи ненавистныхъ ей фанаріотовъ *), въ Россіи звучатъ многіе болгарскіе напѣвы (*Благообр. Іосифъ, Тебе одѣющагося, Дѣва днесъ и проч.*). Предпринятыя въ недавнее время изысканія въ русскихъ рукописныхъ нотно-богослужебныхъ книгахъ пѣснопѣній болгарскаго распѣва увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ:—собраны и изданы А. Николовымъ подъ руководствомъ С. Смоленскаго почти всѣ пѣснопѣнія богослужебнаго болгарскаго распѣва.

Равно и русское знаменное пѣніе было въ забросѣ болѣе двухъ вѣковъ,—однако и теорія его возстановляется, и забытыя мелодіи оживаютъ, и духъ его все болѣе и болѣе проникаетъ созданія современныхъ пѣснотворцевъ. И оправдывается реченіе Екклесіаста: „Что было, тожде есть, еже будетъ; и что было сотворенное, тожде имать сотворится; и ничтоже ново подъ солнцемъ“. (Еккл. I, 9—10). Тоже самое и поэтъ говоритъ: „что прошло, то будетъ ново“.—Словомъ сказать,—*миръ вѣчно реставрируется*.

^{*)} *Фанаръ*—греческій кварталъ въ Константинополѣ. Болгары зовутъ грековъ фанаріотами=турецкими прислужниками.

Опять надо сказать, что все это совершенно въ духѣ христіанства, не творящаго нового человѣка, но возстановляющаго „во Адамѣ падшаго лютѣ“.

Употребленіе въ древне-христіанской Церкви преимущественно эллинской музыки доказывается и слѣдующимъ: 1) Въ тѣхъ странахъ, гдѣ жили и дѣйствовали пѣснопѣвцы первыхъ вѣковъ христіанства, мѣстная музыка была греческая, перенесенная туда при Александрѣ В. и при Птоломеяхъ и Селевкиахъ. 2) Всѣ пѣснопѣвцы и пѣснописцы христіанской древности, стоявшіе на высшей ступени эллинского просвѣщенія, о чёмъ свидѣтельствуютъ ихъ писанія, были вмѣстѣ и знатоками эллинской музыки и на ея основѣ слагали христіанскіе гимны, иногда приспособляя христіанскіе тексты къ древнимъ языческимъ мелодіямъ.

Напр., сравнить мелодію Амвросіан. гимна съ античной пѣснью (изъ „La Melop e antique“ Геварта).

Нельзя настаивать на томъ, что системы, лады, гласы и прочие составные элементы античной музыки уцѣлѣли въ практикѣ христіанской Церкви въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они существовали въ древности, но тѣмъ не менѣе неоспоримо положеніе, что въ пѣнніи христіанскихъ культурныхъ народовъ сохранились путемъ непрерывнаго преданія три системы (тетрахорда, пентахорда и октахорда), три основные лады (дорійскій, фригійскій и лидійскій) и восемь гласовъ,—хотя и въ другихъ музыкальныхъ образованіяхъ (тетрахорды и пентахорды въ соединеніи—гамма) и подъ другими наименованіями (назван. ладовъ и гласовъ).

Словомъ надо признать, что художественное устроеніе музыки древне-эллинской послужило фундаментомъ для пѣння христіанской Церкви.—

Въ опроверженіе взгляда, по которому музыка христіанской церкви первого вѣка признается чисто еврейскою и неимѣющею

тѣсной связи съ античной греческой музыкой, приводимъ слова Пападопуло, историка музыки греческой церкви *):

„Приверженцы этого взгляда утверждаютъ главнымъ образомъ на сходствѣ нѣкоторыхъ пѣснопѣній христіанской древности съ музыкой евреевъ, которая была принята, по всей вѣроятности, первоцерковю іерусалимскою, образовавшеюся изъ собственно-евреевъ, а не изъ такъ называемыхъ „евреевъ разсѣянія“, которые для общественного богослуженія культивировали напѣвы языческой греческой музыки. И св. Климентъ Александрийскій утверждаетъ, что голосовая музыка евреевъ походила на греческую музыку только дорийского лада, и что греки, любители музыки и знатоки музыки, въ частности, еврейской, обработали послѣднюю по теоретическимъ началамъ музыки греческой. Но если нѣкоторыя пѣснопѣнія Церкви походили на еврейскую музыку, то этимъ вовсе не доказывается, что введенная въ Церкви музыка была еврейскою, въ особенности въ виду того, что сама еврейская музыка подъ напоромъ греческой во времена полной эллинизациіи іудейства въ Палестинѣ и Александріи еще задолго до появленія христіанства пришла въ полный упадокъ. Изъ исторіи известно, что вся общественная и частная жизнь Маккавеевъ, во II в. до Р. Х., сложилась въ значительной мѣрѣ на греческій ладъ и большая часть евреевъ обнаруживала сильную наклонность къ греческимъ обычаямъ и холдность къ отеческому обряду и порядку жизни. Сами евреи въ св. Писаніи описываютъ всю систему эллинизациіи Палестины, называя царство Селевкидовъ царствомъ грековъ, и возстановленіе упавшей греческой жизни въ царствованіе Антіоха (1 Макк. 1, 41 — 64) — возвращеніемъ къ эллинизму. Въ концѣ концовъ евреи, эллинизовавшіеся подъ постояннымъ вліяніемъ грековъ, ввели у себя греческій языкъ, на которомъ и стали читать Св. Писаніе, и на которомъ писали свои сочиненія два знаменитѣйшихъ іудейскихъ писателя I в. по Р. Х.—Іосифъ Флавій и Філонъ. Еврейская же музыка совершенно подпала подъ вліяніе музыки греческой послѣ полнаго ниспроверженія іудейства (70 г. по Р. Х.) Веспасіаномъ и его сыномъ Титомъ и разсѣянія евреевъ по всѣмъ странамъ вселенной“.

По отношенію къ еврейскому храмопѣнію не можетъ быть допущено и то, что предположительно признано возможнымъ для греческаго искусства,—именно—христіанскіе пѣснотворцы не могли для себя реставрировать музыкальныхъ антиковъ еврейскихъ, потому что собственно-еврейскихъ—то антиковъ никогда и не могло быть.

Настоящая своя исторія у еврейской музыки длилась всего 60—70 лѣтъ (храмовая музыка евреевъ имѣла благопріятныя условія для своего развитія только отъ времени величія Давида

---

*) Очерки ист. цер. пѣнія Греческой Церкви отъ временъ апост. до нашихъ дней.

до впаденія въ идолопоклонство Соломона), и нельзя думать, чтобы за это время могло явиться что-либо достойное вѣковыхъ памятованій народа (другого способа передачи и сохраненія—письменности музыкальной—у евреевъ не было) и передачи какъ дара отъ ветхаго новому Израилю (христіанству).

Еще меньше оснований пологать, что принятая Церковью музыка была римской по происхожденію.

Римъ былъ только пантеономъ народовъ, а не дѣйствительно всемирною монархіею,—какъ гордо именовался. Онъ властвовалъ надъ тѣлами, но не надъ думами; законодательствовалъ въ области политіи, но не въ области искусствъ. Типичный представитель плутскаго человѣчества, онъ не могъ оставить наслѣдія духовному человѣчеству.—Вообще романизмъ не сыгралъ на Востокѣ той роли, какую сыгралъ эллинизмъ:—онъ не передалъ перешедшимъ подъ его скипетръ народамъ своего языка, своей музыки, своихъ нравовъ, своего характера. Римъ даже и не пытался дѣлать этого, но съ большимъ усердіемъ самъ перенималъ и заимствовалъ у подвластныхъ ему народовъ—преимущественно у грековъ—тѣ духовныя блага, которыми эти народы превосходили его. Въ Римѣ не только философы, ораторы, сенаторы и полководцы, но консулы и императоры иногда говорили и писали по гречески, а имъ подражали ихъ жены и даже служанки. Поэтому нисколько не удивительно, что апостоль Павелъ написалъ свое посланіе къ римлянамъ на греческомъ, а не на латинскомъ языкѣ.

Вліяніе греческой музыки на римскую проявлялось задолго до земной жизни Спасителя. Консулъ Манлій Капитолійскій (за 250 л. до Р. Х.), ради большей торжественности празднованій въ честь побѣды надъ Галлами, пригласилъ изъ Греціи знаменитѣйшихъ пѣвцовъ. И въ началѣ основанія Церкви греческіе композиторы и пѣвцы продолжали по прежнему пользоваться въ Римѣ великимъ значеніемъ. Августъ (ум. 14 г. по Р. Х.), Тиверій (37 г.), Калигула (41 г.), Клавдій (54 г.) были горячими поклонниками греческой музыки, приглашали пѣвцовъ изъ Греціи и щедро награждали ихъ. Неронъ, мня себя великимъ артистомъ, вступалъ съ греческими пѣвцами въ состязанія, отправляясь для сего въ Грецію, какъ въ центръ высшей музыкальности, гдѣ ему лестно было получить славу первокласснаго пѣвца.

Вообще надо сказать,—въ эпоху устройства Церкви римляне и непосредственно и посредственно зависѣли отъ Греціи, царившей въ музыкальномъ искусствѣ.

При всемъ томъ Отцы Церкви считали романизмъ самымъ высшимъ носителемъ утонченного, а потому и наиболѣе опаснаго для нравовъ народныхъ, язычества, и вслѣдствіе того всегда относились къ нему неодобрительно. Особенно же римская музыка была у нихъ въ призрѣніи. Бл. Іеронимъ (342—420), разсуждая о безнравственности общественныхъ римскихъ зрѣлищъ, и выражая при этомъ господствующее въ Церкви мнѣніе, го-

ворить такъ: „христіанская дѣвушка, въ сущности, не должна имѣть понятія о томъ, что такое лира или флейта и каково ихъ употребленіе“.

Хотя по тщательномъ изслѣдованіи среды, въ которой начало развиваться христіанство, и можно заключать о господственномъ значеніи греческой музыки въ пѣніи Церкви, однако же не должно настаивать при этомъ и на исключительномъ употребленіи греческихъ напѣвовъ.

Подобно тому, какъ говоря о существующемъ у людей языческомъ, христіанскомъ или иномъ какомъ-либо міросозерцаніи, мы заключаемъ только обѣ идеяхъ или образѣ мыслей, а не формѣ или образѣ выраженія ихъ; такъ, и указывая на господство въ древности идей именно греческаго искусства, мы заключаемъ только о принципахъ творчества, а не о самыхъ произведеніяхъ его, которая всегда могли быть различными и понациональному характеру и по стилю и по прочимъ своимъ качествамъ.

Но какъ религія допускала глаголать величія Божія на языкѣ, въ немже кто родился.—парѳянинъ-ли онъ, мидянинъ или еламитъ,—однако объединяла всѣ эти глаголы опредѣленнымъ міросозерцаніемъ,—такъ Церковь не ставила препятствій пѣнію въ различныхъ напѣвахъ, однако объединяла ихъ подчиненіемъ одному высшему закону,—дѣйствующему въ Церкви—духу Христову. Именно,—Церковь пользовалась для себя всѣми искусствами всѣхъ народовъ и временъ, какъ великими дарами человѣческаго духа, но претворяла ихъ въ духѣ Христовомъ, дѣлала ихъ „христіанскими“. Произведенія христіанскихъ искусствъ, хотя и созданныя національными геніями всѣхъ народовъ, по идеямъ своимъ пріобрѣли всечеловѣческій смыслъ, каѳолическое значеніе.

По завѣту Спасителя, ставшему правдой жизни христіанина—„Царство мое не отъ міра сего“,—жизнь изъ области внѣшнихъ чувствъ, изъ міра осязаемой матеріи—какъ было у древняго человѣка—перешла въ міръ незримый, духовный, въ область внутреннихъ чувствъ—чувствъ по преимуществу. И музыка, какъ духовное искусство, какъ языкъ чувствъ, получила въ христанствѣ новую, безпредѣльную какъ идеалы самой религіи, ширь и мощь,—стала ключомъ къ сокровенному міру чувствованій и явилась голосомъ сердца. Человѣкъ-христіанинъ сталъ пѣть и въ восторгѣ неизъяснимомъ и въ мукахъ безмѣрныхъ, и предъ алтаремъ Божіимъ и на кострѣ огненномъ *).

Музыка „христіанскоѣ искусство“ по преимуществу.

Обобщая все сказанное въ настоящемъ дополненіи къ параграфу, скажемъ: пѣніе первоцеркви состояло изъ мелодій, принадлежавшихъ различнымъ народностямъ, и опиралось на тра-

*) Въ актахъ мученическихъ много собрано пѣснопѣній св. мучениковъ и мученицъ, и отсюда заимствованы въ книги житій святыхъ (Четыри-Минеи).

диції греческого искусства, подчинення общему характеру христіанського богослуження.

§ 9. Въ первенствующей Церкви, до установления чина пѣвцовъ, пѣніе исполнялось всѣми участниками молитвенного собрания. Приняты были три способа исполненія пѣнія: СИМФОНИЙ (согласный)—при одновременномъ участіи всѣхъ пѣвцовъ; ИПОФОНИЙ (подпѣвателный)—пѣнію одного пѣвца народъ подпѣвалъ, повторяя всю мелодическую строфиу или только конецъ ея, или же припѣвая одно какое либо реченіе (АМИНЬ, АЛЛИЛУІЯ, ЯКО ВЪ ВѢКЪ МИЛОСТЬ ЕГО),—и АНТИФОНИЙ (противогласный)—поочередно или поперемѣнно двумя полуходами.

Всѣ названные способы могли примѣняться и къ одному пѣснопѣнію, чередуясь межъ собою, или составляя отдельныя части его.

Нѣсть іудей, ни эллинъ; нѣсть рабъ, ни свободъ; нѣсть мужскій полъ, ни женскій: „вси бо вы едино есте во Христѣ Іисусѣ“ (Гал. III, 29). Вотъ тѣ „люде“, которые исполняли богослужебное пѣніе Церкви, составили собой ея братскій хоръ. Сила такого хора огромна, неотразима. „Нѣть ничего уладительнѣе и поразительнѣе голоса женского; нѣть ничего пріятнѣе, трогательнѣе и дѣственнѣе голоса дѣтскаго; нѣть ничего мужественнѣе и благороднѣе голоса мужскаго; и нѣть ничего гармоничнѣе, полнѣе и восхитительнѣе хора, составленного изъ голосовъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ“ (Новая богословская энциклопедія. 1860).

Симфонически или хоромъ исполнялись, вѣроятно, постоянно употреблявшіяся при богослуженіи пѣснопѣнія и, притомъ, на извѣстныя всѣмъ напѣвы,—каковыми пѣснопѣніями могли быть псалмы Давида и нѣкоторыя пѣсни христіанскія, прочно утвердившіяся въ обиходѣ церковномъ. Пѣніе этихъ псалмовъ и пѣсней по заповѣди апостола—воспѣвайте и пойте въ сердцахъ вашихъ Господеви—составляли собою благочестивое занятіе христіанъ въ домашнемъ кругу ихъ, какъ въ часы досуга *), такъ во время молитвенныхъ бдѣній, или въ дни семейныхъ торжествъ. Такъ что хоровое пѣніе христіанъ при общественномъ богослуженіи непремѣнно хорошо и стройно выполнялось. Во всякомъ случаѣ именно симфоническое пѣніе въ Церкви было самымъ одушевленнымъ и одушевляющимъ пѣніемъ. Это подтверждается свидѣтельствами современниковъ не-христіанъ (Филонъ) и особенно лицъ, привлеченныхъ къ христіанству первоначально силу пѣнія религіозной общинѣ (Св. Цецилія, блаж. Августинъ).

Наиболѣе же употребительнымъ способомъ пѣнія былъ ипофонный **), какъ самый простой и доступный, не требовавшій отъ

*) „Они вдвоемъ поютъ псалмы и пѣсни, и взаимно другъ друга возбуждаютъ лучше и лучше воспѣвать Богу“, говоритъ Тертулліанъ о христіанскихъ супругахъ своего времени. (Кн. II, гл. 9).

**) „Послѣ двухъ чтеній изъ этихъ (Ветхозавѣтныхъ) книгъ кто либо другой пусть поетъ псалмы Давида, а народъ да повторяетъ голосно концы стиховъ“ (57 гл. 2-й кн. Пост. Апост.).

участниковъ въ пѣніи особой подготовки, а между тѣмъ весьма привлекательный, способный внести сильное оживленіе и освѣженіе во вниманіе и чувства молящихся,—такъ какъ онъ былъ весьма пригоденъ и, значитъ, имъ пользовались чаще всего при введеніи новыхъ пѣснопѣній, текстъ и напѣвъ которыхъ заранѣе не были извѣстны поющімъ, и, можетъ быть, являлись импровизаціей вдохновеннаго пѣвца-запѣвалы.

Этотъ способъ пѣнія перешель въ христіанство отъ языческихъ обычаевъ. Такъ,—въ Римѣ нѣкоторыя языческія религіозныя празднества длились по многу дней и сопровождались большимъ количествомъ обрядовъ, въ числѣ которыхъ были и совершившіеся безъ участія освященныхъ жрецовъ. Народъ былъ самъ совершилелъ этихъ обрядовъ въ лицѣ избираемыхъ имъ на сіе главныхъ дѣйствующихъ лицъ (напр. при празднествахъ въ честь Вакха или Діонисія избирались юноши и дѣвушки, олицетворявшіе божества и духовъ), воспѣвая приличествующіе гимны и пѣсни. Но духовный блескъ торжества и религіозный экстазъ празднующихъ становились наиболѣе интенсивными, когда при этихъ обрядахъ выступали со своими пѣснями пѣвцы-импровизаторы. Народъ съ живымъ интересомъ внималъ новымъ гимнамъ и, возбуждаемый творчествомъ, совершившимся непосредственно предъ нимъ, съ восторгомъ повторялъ за пѣвцами наиболѣе звучные или ярко выражавшіе настроеніе стихи и даже отдельныя слова.

И въ христіанствѣ такой способъ пѣнія считался въ извѣстномъ смыслѣ внѣбогослужебнымъ. Именно,—хотя онъ и допускался въ храмѣ, но во внѣбогослужебныя моменты:—предъ началомъ богослуженія (по умовеніи рукъ—по Тертулліану), или въ концѣ его (воставше—по Филону), а также въ перерывахъ—когда священнослужители не совершали какого-либо обряда церковнаго, а лишь, можетъ быть, готовились къ нему.

Такъ можно судить потому, что о пѣснопѣніяхъ, входившихъ въ чинъ богослуженія или необходимыхъ при обрядѣ, намъ извѣстно изъ твореній Св. Отцевъ и постановленій многихъ соборовъ—при какомъ случаѣ, ради чего и какое именно пѣснопѣніе вводилось въ чинъ; обѣ импровизаціяхъ же, тѣсно связанныхъ съ ипофоніей, мы встрѣчаемъ—хотя и у многихъ писателей древности, и съ похвалой этому роду пѣнія—только упоминанія, что онъ имѣли мѣсто въ Церкви, но въ чемъ собственно состояли и каково было значеніе ихъ,—ясныхъ опредѣленій неходимъ.

Впрочемъ, изъ исторіи извѣстно, что Аѳанасій Великій, во время гоненія на него, установилъ пять псаломъ, изъ котораго народъ повторялъ только слова: *Яко въ вѣкъ милость Его*. Но установленіе это было частное и, какъ видно, по весьма частному же случаю.

О внѣбого служебномъ характерѣ ипофоніи съ импровизаціей можно заключать главнымъ образомъ потому, что,—когда съ

течениемъ времени нѣкоторые люди, оскудѣвшіе благоговѣніемъ къ святости службы Божіей, стали вносить въ это пѣніе *нестроенія*,—оно было выведено изъ практики церковной, какъ *неподобное и церковному строенію несочетанное*. Если бы эти импровизаціи были неотъемлемой принадлежностью чина, то, очевидно, не могли бы быть выведены изъ него. Ихъ упорядочили бы, но не подвергали бы остракизму.

Отнятіе—состоявшееся позднѣе—у „людей“ пѣнія и передача его въ руки установленныхъ пѣвцовъ—„ликовъ“ или „клира“—было—кромѣ необходимости, обусловленной количественнымъ и качественнымъ разширеніемъ пѣнія по увеличившимся чинопослѣдованиемъ—противопоказательнымъ и въ отношеніи къ ипофонному пѣнію.

Народъ при этомъ хотя и не лишился возможности ипофонировать—подпѣвать пѣвцамъ,—но пѣвцы, состоявшіе въ клирѣ и на амвонъ входящіе, пѣли уже по книгѣ....

Чрезъ уничтоженіе импровизацій въ пѣснопѣніи, ипофонія много, конечно, потеряла,—главнымъ образомъ утратилась *непосредственность* въ чувствованіяхъ пѣвцовъ,—однакоже сама по себѣ, будучи даже примѣняемой къ установленнымъ текстамъ чиновныхъ пѣснопѣній, могла бы и нынѣ приносить свою пользу:—при ней вниманіе участниковъ пѣнія къ поемому въ церкви было бы совершеннѣе, и въ тоже время „подпѣватели“ чувствовали бы себя до нѣкоторой степени *дѣйственными* участниками богослуженія.

Въ богослуженіи православной Церкви встрѣчаются слѣды ипофоніи въ исполненіи прокимновъ, въ пѣніи концовъ тропарей въ навечеріяхъ Рожд. Хр. и Богоявленія, въ припѣвѣ „Яко съ нами Богъ“ (на утрени празд. Р. Х.), въ повтореніяхъ тропарей двунадесятыхъ Господскихъ праздниковъ, особенно же тропаря „Христосъ воскресе“ на Пасху, поемыхъ на стихи вмѣсто „блаженнъ“; въ пѣніи припѣвовъ „Славно бо прославися“ и др. въ В. Субботу, и проч... Особенно же строеніе поемыхъ стиховъ изъ 140 псалма указываетъ на бывшее нѣкогда ипофонное исполненіе ихъ. Псаломъ въ оригиналѣ читается такъ: „Господи, возввахъ къ Тебѣ, услыши мя; вонми гласу моленія моего, внегда возврати ми къ Тебѣ. Да исправится молитва моя яко кадило предъ Тобою, воздѣяніе руку мою, жертва вечерняя“. По ипофоніи же онъ имѣлъ—какъ и до сихъ поръ имѣть—такой текстъ:

„Ликъ“ (или запѣвало): Господи, возввахъ къ Тебѣ, услыши мя.
 „Людіе“ (или подпѣватели): Услыши мя Господи.

Ликъ: Господи, возввахъ къ Тебѣ, услыши мя;
 Вонми гласу моленія моего,
 Внегда возврати ми къ Тебѣ.

Людіе: Услыши мя Господи.

Ликъ: Да исправится молитва моя
Яко кадило предъ Тобою,
Воздѣяніе руку мою, жертва вечерняя.

Людіе: Услыши мя Господи.

Въ оригинальномъ текстѣ такого сочетанія словъ, какъ „*услыши мя Господи*“, даже и нѣтъ,—оно образовано изъ послѣднихъ двухъ словъ первого стиха — *услыши мя*, и первого слова его — *Господи*. И образованіе это весьма глубокомысленно:—этимъ реченіемъ, которое исполняютъ подпѣватели, весьма кратко, но и ясно характеризуется общее настроеніе и мысль псалма.

Въ *ипофонномъ* изложеніи текстъ изъ двухъ стиховъ (какъ есть въ оригиналѣ псалма) развернулся въ двѣ строфы; при чемъ первый запѣвъ и первый припѣвъ образовали интродукцію (вступленіе) къ произведенію. Но если слова „*жертва вечерняя*“ принять за отдельный стихъ, то эта интродукція съ слѣдующими тремя стихами составить строфи изъ четырехъ стиховъ,—одинаковую по размѣрамъ со второй строфой (припѣвы не входятъ въ составъ строфы). Напр.:

1-я строфа.

1. Господи, воззвахъ къ Тебѣ,
услыши мя.

Услыши мя Господи.

2. Господи, воззвахъ къ Тебѣ,
услыши мя.
3. Вонми гласу моленія моего,
4. Внегда воззвати ми къ Тебѣ.

Услыши мя Господи.

2-я строфа.

1. Да исправится молитва моя,
услыши мя.

2. Яко кадило предъ Тобою,
Воздѣяніе руку мою,
Жертва вечерняя.

Услыши мя Господи.

Тоже самое и въ предначинательномъ псалмѣ:—
Запѣвало. Благослови душа моя Господа.

Людіе. Благословенъ еси Господи.

Запѣвъ. Господи Боже мой возвиличился еси зѣло.

Людіе. Благословенъ еси Господи.

Запѣвъ. Во исповѣданіе и въ велелѣпоту облекся еси.

Людіе. Благословенъ еси Господи.

Запѣвъ. Творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный.

Людіе. Дивна дѣла Твоя Господи.

Запѣвъ. На горахъ станутъ воды.

Людіе. Дивна дѣла Твоя Господи.

Запѣвъ. Посредъ горъ пройдутъ воды.

Людіе. Дивна дѣла Твоя Господи.

Запѣвъ. Вся премудростію сотворилъ еси.

Людіе. Слава Ти, Господи, сотворившему вся.

Ипофонія прим'нялась къ пѣнію и у евреевъ, сколь можно судить по поэтической формѣ нѣкоторыхъ псалмовъ (напр. 135), или по слѣдующей пѣсни Давида на смерть Саула и Іонаѳана:—

Воздвигни столпъ Израилю надъ умершими на высокихъ твоихъ язвенными!

Како падоша сильні!

Не возвѣщайте въ Гефѣ, ниже повѣдайте на исходищахъ Асколонихъ,

Да не возвеселятся дщери иноплеменничі, ни да возрадуются дщери необрѣзанныхъ.

Горы Гелвуйскія, да не снидетъ роса ниже дождь на васъ, Яко тамо поверженъ бысть щить Сауловъ.

Како падоша сильні посредѣ брани!

Іонаѳане, до смерти на высокихъ твоихъ язвенъ еси!

Болѣю о тебѣ, брате мой Іонаѳане, красный ми зѣло,

Удивися любовь твоя отъ мене, паче любви женскія!

Како падоша сильні, и погибоша оружія бранныя!

(2 Кн. Цар. I, 19—27).

Ипофонія—но уже упорядоченная, т. е. лишенная характера импровизаціи въ текстѣ и напѣвѣ—соблюдается доселѣ Армянскою церковью.

Антифонное пѣніе почтaloсь въ древности самимъ красивымъ и торжественнымъ. Оно требовало для себя много пѣвцовъ, а потому совершалось въ многолюдныхъ собраніяхъ, въ великие праздники, при нарочитыхъ случаяхъ.

Оно состояло въ томъ, что хоръ пѣвцовъ, раздѣлившиесь на два полуходра, исполняль пѣснопѣніе по стихамъ, чередуясь въ пѣніи, при чемъ второй полуходръ повторяль мелодію первого полуходра. Особенно роскошнымъ по звуковымъ тѣнямъ было антифонное пѣніе, исполняемое мужскимъ и женскими полуходрами. Обыкновенно въ первомъ пѣснопѣніи мужской хоръ предназначиналь пѣніе, а ему антифонировалъ женский хоръ; въ другомъ же—наоборотъ.—Подобное совершается въ православной Церкви при пѣніи припѣвовъ на молебнахъ и панихидѣ:—священнослужители возглавляютъ пѣніе, поя напримѣръ— „Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ“; пѣвцы повторяютъ припѣвъ; священнослужители продолжаютъ: „Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу“; пѣвцы антифонируютъ словами: „И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь“, и тотчасъ поютъ: „Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ“, предначиная опять тотъ-же порядокъ пѣснопѣній, при чемъ уже священнослужители антифонируютъ пѣвцамъ. Также исполняется на панихидѣ припѣвъ: „Покой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ“.

Такъ какъ разнородные по голосамъ полуходры—мужскіе и женскіе—разнились и звуковыми областями своего пѣнія—именно—отстояли другъ отъ друга на октаву, то отъ пѣнія мужскаго

и женского полухоровъ возникала антифонія въ собственномъ смыслѣ (антифонія—значитъ противогласіе, а какъ музикальный терминъ—октава).

Неизвѣстно было-ли антифонное пѣніе изобрѣтеніемъ, или заимствованіемъ евреевъ (отъ египтянъ всего вѣроятнѣе), но только оно примѣнялось у нихъ издавна.

На берегу Чернаго моря, при видѣ бушующихъ волнъ надъ главами фараона со всадники и тристаты, въ страхѣ предъ все-сокрушающею силою десницы Владычи и въ благодареніе за спасеніе, Израиль, прошедшій немокрыми стопами по глубинѣ морской, антифонно—самымъ „краснымъ“ пѣніемъ—воспѣлъ славу крѣпкому во бранѣхъ Господу.

Тогда воспѣ Мойсей и сынове израилевы пѣснь сю Господеви, и рекоша,

Поимъ Господеви,

Славно бо прославися:

Коня и всадника вверже въ море“,—и т. д.

Взя же Маріамъ пророчица, сестра Ааронова, тимпанъ въ руцѣ свои, и изыдоша вся жены въ слѣдъ ея со тимпаны и лики. Преднача же имъ Маріамъ, глаголющи:

Поимъ Господеви,

Славно бо прославися:

Коня и всадника вверже въ море“. (Исх. гл. 15).

То обстоятельство, что бытописатель приводить весь текстъ пѣсни, воспѣтой мужскимъ хоромъ израильянъ, а при упоминаніи о пѣніи женского хора ограничивается указаніемъ только на три стиха его, и, затѣмъ, тождество начального текста пѣсней обоихъ хоровъ показываютъ, что мужской и женскій хоръ пѣль одно и тоже. При этомъ Мойсей предназначалъ для ипофоніи (подпѣванія) сынамъ, а Маріамъ—женамъ израильскимъ, и отъ этого въ результатѣ получилась антифонія:—Маріамъ антифонировала Мойсею, а жены—сынамъ, хоръ женскій мужскому хору.—

Антифонный способъ пѣнія быль, очевидно, всегда употребителенъ у евреевъ:—подъ образомъ его, какъ удобопостижимомъ по знакомству съ нимъ пророка, Господь въ видѣніи показалъ Исаіи (всего за 700 л. до Р. Х.) образъ пѣнія небесной Церкви. „Видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и исполнъ домъ славы Его. И Серафими стояху окрестъ его... и взываху другъ ко другу, и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнъ вся земля славы Его“. (Ис. VI, 1—3).

Поэтическая форма еврейскихъ псалмовъ, состоящая въ распаденіи стиха на два, другъ друга дополняющихъ, полустихахъ и въ параллельности выраженныхъ въ полустихахъ мыслей, даетъ основаніе предполагать антифонное исполненіе этихъ пѣснопѣній. Псалмы пѣлись поперемѣнно между священниками и народомъ, или между двумя полухорами, или же, наконецъ, между хоромъ и начальникомъ его.

Псаломъ 19-й. Стихи:

1. Услышитъ тя Господь въ день печали,
Заштитить тя имя Бога Іаковля.
2. Послеть ти помошь отъ святаго,
И отъ Сиона заступить тя;
3. Помянетъ всяку жертву твою,
И всесожженіе твое тучно буди. И т. д.

Псаломъ 20-й.

1. Господи, силою Твою возвеселится Царь,
И о спасеніи Твоемъ возрадується зъло.
2. Желаніе сердца его далъ еси ему,
И хотѣнія устну его нѣси лишилъ его.
3. Яко предварилъ еси его благословеніемъ благостын-
нымъ,
Положилъ еси на главъ его вѣнецъ отъ камене
честна.
4. Живота просилъ есть у Тебе,
И далъ еси ему долготу дній во вѣкъ вѣка. И т. д.

Псаломъ 37-й.

1. Господи, да не яростю Твою обличиши мене,
Ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене:
2. Яко стрѣлы Твоя унзозша во мнѣ,
И утвердилъ еси на мнѣ руку Твою.
3. Нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва Твоего,
Нѣсть міра въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ.
4. Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою,
Яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ. И т. д.

Псаломъ 50-й.

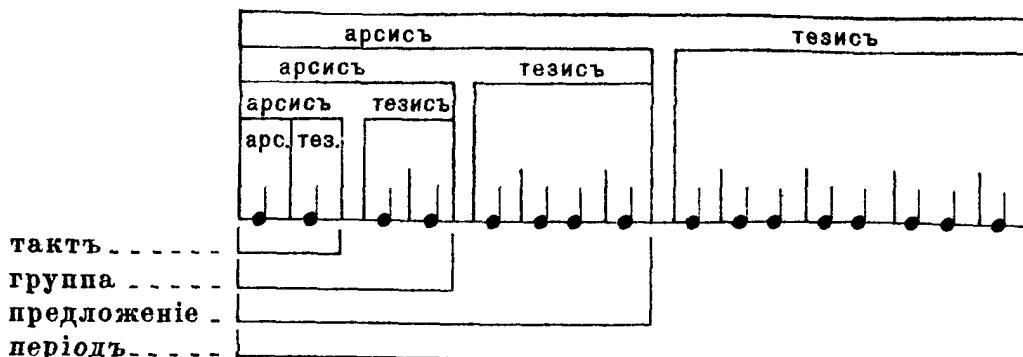
1. Помилуй мя Боже по велицей милости Твоей,
И по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе
мое.
2. Наипаче омытъ мя отъ беззаконія моего,
И отъ грѣха моего очисти мя:
3. Яко беззаконіе мое азъ знаю,
И грѣхъ мой предо мною есть выну.
4. Тебѣ единому согрѣшихъ,
И лукавое предъ Тобою сотворихъ:
5. Яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ,
И побѣдиши, внегда судити Ти.
6. Се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмъ,
И во грѣсѣхъ роди мя мати моя. И т. д.

Усиленіе реченій, логическій тезисъ, замѣчаемые во вторыхъ полустишіяхъ, могли особенно рельефно выступать при антифонномъ исполненіи стиховъ, когда запѣвала выражалъ положительную степень настроенія, а хоръ—сравнительную степень его.

Напр. 19-й псаломъ:—Не только „услышитъ“, но и „защититъ“, не только „послеть помошь“, а и „заступить“—жертвы

не только напомнятъ о тебѣ, но будуть приняты какъ тучныя всесожженія.

Этимъ построениемъ текста образуется двухчастная логическая симметрия съ нарстающей заключительной силой, соотвѣтствующая двухдольнымъ музыкальнымъ метрическимъ образованіямъ, въ которыхъ замыканія или тезисы (и кадансъ) также падаютъ на послѣднюю или вторую часть. Напр.:

Этотъ способъ пѣнія извѣстенъ былъ, по свидѣтельству Фи-
лона, терапевтамъ—еврейской сектѣ въ Александріи (около 50 г.
по Р. Х.). (Большинство писателей древности склонны думать,
что Филонъ смѣшивалъ секту терапевтовъ съ обществомъ хри-
стіанъ, и подъ видомъ описанія богослуженія терапевтовъ далъ
описаніе христіанскаго богослуженія. По крайней мѣрѣ историки
цер. пѣнія цитируютъ это мѣсто у Филона для пѣнія христіан-
скаго).

„Послѣ богослуженія, разсказываетъ Филонъ, одинъ изъ сектантовъ встаетъ съ мѣста, чтобы пропѣть хвалебный гимнъ Богу, сочиненный имъ самимъ, или кѣмъ-нибудь изъ прежде бывшихъ поэтовъ. Эти поэты оставили потомству размѣръ и напѣвы трехъ-стопныхъ стиховъ, неподлежавшіе измѣненіямъ, (какъ „*Nomos*“ грековъ, или „глазы“ русскихъ) для поперемѣнного исполненія ихъ хорами, въ формѣ строго размѣренныхъ строфъ, при благодарственныхъ торжествахъ, возліяніяхъ и хвалебныхъ гимнахъ предъ алтаремъ. Потомъ и другіе сектанты, по очереди, дѣлаютъ то же самое при полномъ безмолвіи окружающихъ, только въ концѣ, при заключительной молитвѣ, всѣ присутствующіе мужчины и женщины соединяютъ свои голоса въ общемъ гимнѣ. Послѣ трезвой и скромной трапезы всѣ поднимаются съ мѣста и въ серединѣ обѣденной залы впервые раздѣляются на два хора: мужской и женскій. Каждый изъ нихъ имѣеть своего запѣвалу. Они поютъ молитвенные гимны различными размѣрами и напѣвами, то вмѣстѣ, то гармонически чередуясь между собой. Когда каждый изъ нихъ по одиночкѣ принесетъ Богу свои радостныя пѣснопѣнія, они соединяются и общимъ хоромъ возносятъ хвалу Іеговѣ, своему избавителю, въ подражаніе тѣмъ гимнамъ, которые общимъ вдохновеннымъ хоромъ мужчинъ и женщинъ пѣлись ихъ праотцами при Черномъ морѣ,

когда Моисей руководилъ пѣніемъ мужчинъ, а Маріамъ — пѣніемъ женщинъ. Это прекрасное антифонное пѣніе терапевтовъ, при соединеніи звука грубыхъ мужскихъ голосовъ съ болѣе нѣжными женскими, представляло гармоническую симфонію, вполнѣ согласную съ требованіями музыки“.

То же самое разсказывается и объ ессеяхъ.

Антифонное пѣніе было въ употребленіи и у христіанъ. Въ письмѣ Плінія Младшаго (103 г.) къ Траяну говорится, что „въ нѣкоторые дни христіане собираются передъ восходомъ солнца и поперемѣнно (антифонно) приносятъ Богу хвалебные гимны“.

Это письмо Плінія Младшаго по времени совпадаетъ съ жизнью и дѣятельностью Св. Игнатія Богоносца (49—107) и косвенно подтверждаетъ свидѣтельство историка Сократа о томъ, что этотъ святой апостольскій мужъ ввелъ антифонное пѣніе въ Антіохійскую церковь, а отсюда, какъ изъ главнаго источника, оно распространилось по всей христіанской церкви.

Антифонное пѣніе, какъ ясно изъ предыдущаго, перешло въ христіанскую церковь преемственно отъ евреевъ и, отчасти, отъ грековъ. (Пѣніе полуходоровъ въ трагедіяхъ и драмахъ). Однако возможно, что на самыхъ первыхъ порахъ Церкви, хотя бы до времени епископства Св. Игнатія (75 г.) оно не было употребляемо вслѣдствіе того, что христіанскія богослуженія совершались въ глубокой тайнѣ, негласно и возможно скромно, и антифонное пѣніе, будучи само по себѣ весьма декоративнымъ, обстановочнымъ, могло являться при этихъ условіяхъ или невыполнимымъ до надлежащаго образа его, или же не соответствующимъ всей обстановкѣ богослуженія.—

Кажется и самъ Св. Игнатій имѣль сначала какія-то сомнѣнія по отношенію къ антифонному пѣнію,—можетъ быть относился съ подозрѣніемъ къ его богоугодности,—ибо не прежде ввелъ его въ Церковь, какъ получивъ на то одобреніе свыше въ бывшемъ ему небесномъ видѣніи, соотвѣтственномъ видѣнію пророка Исаіи и своего учителя Св. Іоанна Богослова. (Апок. IV, 8, 11).

Ближайшимъ же поводомъ къ признанію за Св. Игнатіемъ авторства по антифонному пѣнію послужило то обстоятельство, что святой Отецъ составилъ тѣ самые стихи, которые и нынѣ поются на литургіи въ Господскіе праздники подъ именемъ антифоновъ, и сочинилъ къ этимъ стихамъ припѣвы: „Молитвами Богородицы“.... и „Спаси ны Сыне Божій“...., которые въ то время, подъ названіемъ акrostиховъ и акротелевтій (краестишій), пѣль весь народъ. Вотъ это-то самое и распространилось по всей Церкви, въ которой могло уже быть антифонное пѣніе въ первоначальномъ смыслѣ его установленія—и лучшемъ, надо замѣтить—т. е. какъ *перемѣнное* по полуходамъ пѣніе.

Впослѣдствіи надъ развитіемъ антифонного пѣнія въ той же Антіохіи трудились пресвитеры Флавіанъ и Діодоръ (ок. 350 г.). Они изучили музыку въ Аѳинахъ, и пользовались антифоннымъ

пѣніемъ какъ средствомъ къ отвлеченію народа изъ зараженныхъ аріанствомъ храмовъ въ свои малыя церкви и мученическія усыпальницы, набравъ для этого цѣлыхъ два хора. Въ IV в. антифонное пѣніе было въ употребленіи въ Египтѣ, Ливіи, Палестинѣ, Аравіи, Финикіи, Сиріи, Медіоланѣ и другихъ мѣстахъ.

Исторически известно одно столкновеніе, произшедшее по поводу способовъ пѣнія, и именно изъ-за пѣнія антифоннаго, между смежными церквами Кесарійской и Неокесарійской. По свидѣтельству св. Василія Великаго, неокесарійцы, благоговѣвшіе къ памяти своего пастыря св. Григорія чудотворца, долгое время не допускали у себя священнодѣйствій и уставовъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какіе оставилъ имъ ихъ блаженный іерархъ; на этомъ основаніи они порицали и св. Василія за то, что онъ ввелъ въ употребленіе въ церкви Кесарійской, не употреблявшееся въ Неокесаріи во дни св. Григорія антифонное пѣніе. Въ посланіи къ Неокесарійцамъ св. Василій В., какъ бы въ оправданіе свое, разъясняетъ, что антифонное пѣніе, введенное по его указанію, давно уже существовало во многихъ церквяхъ.

Въ наше время православная церковь антифонно исполняетъ на литургії псалмы „Благослови душа моя Господа“ и „Хвали душа моя Господа“, а также и Символь вѣры. На всенощномъ бдѣніи антифоны поются предъ чтеніемъ св. Евангелія.

Всѣ три способа пѣнія—симфонный, ипофонный и антифонный—могли прилагаться къ одному пѣснопѣнію, когда—какъ описано у Филона—запѣвало предначиналь пѣніе, а ему пріпѣвали поперемъ мужской и женскій хоры, заключая пѣніе общимъ, соединеннымъ хоромъ.

Это пѣніе должно было быть самымъ благолѣпнымъ. И потому-то оно до нынѣ слышится въ православной церкви на свѣтлой седмицѣ. „И начинаетъ предстоятель канонъ, твореніе господина Іоанна Дамаскина. Ирмосы на А, и тропари на Б. И паки послѣди кійжо ликъ поетъ ирмось. Послѣди же на сходѣ (т. е. оба лица вкупе) катавасія, ирмось тойже: Воскресенія день; и по немъ Христосъ воскресе... трижды“. (Ирмологій).

§ 10. Пѣніе первенствующей Церкви совершалось въ каждомъ изъ трехъ родовъ строя звукорядовъ эллинской музыки—діатоническомъ, хроматическомъ и энармоническомъ. Діатоническое пѣніе, по простотѣ и строгости своей совпадающее съ общимъ характеромъ богослуженія христіанского, употреблялось въ древней церкви преимущественно предъ хроматическимъ и энармоническимъ пѣніемъ.

Музикальныя традиціи эллиновъ, служившія—какъ уже не разъ говорено—основой для пѣнія древней Церкви, потому въ полнотѣ соблюдались христіанами, что у нихъ пѣснотворчество сначала было дѣломъ собственно высшаго клира, въ огромномъ большинствѣ грекески образованнаго,—греческое же образова-

ніє заключалось въ знаніи математики, поэзіи и музыки,—и потому владѣвшаго эллинской музыкой лучше всякой другой.

Къ тому же и та нравственная свобода, съ какою первенствующіе Пастыри относились къ пѣнію, заявляя объ этой свободѣ предъ лицемъ Кесарей Римскихъ, какъ о дѣлѣ особенной важности, была—по мысли о. Разумовскаго—основаніемъ того, что Церковь не полагала для себя ограниченій въ пользованіи музыкой всякаго рода.

И по соображеніямъ практическаго свойства Пастыри должны были склоняться—на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ—къ принятію греческихъ музыкальныхъ традицій во всемъ ихъ объемѣ:—всѣ роды греческаго пѣнія были извѣстны вѣрюющимъ, и задача организаціи общиннаго и всякаго другого способа пѣнія въ Церкви весьма упрощалась чрезъ это. Затѣмъ, общедоступность пѣнія и по исполненію и по разумѣнію обеспечивала ему и дѣйственность. Послѣднее-то качество пѣнія и было нужно и важно для Церкви. Въ то же время Церковь не могла сдѣлать положительнаго выбора среди родовъ пѣнія, такъ какъ для нея не могло быть яснымъ, какой именно изъ нихъ окажется наиболѣе пригоднымъ для чинопослѣдований церковныхъ, бывшихъ еще только въ періодѣ образованія своего.

Въ святоотеческихъ твореніяхъ II и III вв. находятся упоминанія о пѣніи церковномъ въ трехъ родахъ—діатоническомъ, хроматическомъ и энармоническомъ. Православная Греческая Церковь доселѣ употребляетъ въ своемъ богослуженіи всѣ три рода пѣнія, находя это совершенно согласнымъ съ глубокою церковною древностію.

Въ виду того, что на теоретическихъ основахъ греческой музыки развилась и доселѣ зиждется европейская музыка вообще и, въ частности, русское церковное пѣніе,—для образованнаго музыканта и, особенно, церковнаго пѣвца необходимо хотя бы общее знакомство съ греческой музыкальной теоріей.

Для цѣлей настоящаго отдана достаточно знать теорію въ томъ объемѣ, который она имѣла ко времени начала христіанской церкви.

Основою всякаго строя служить тетрахордъ или четыре смежныхъ по высотѣ звука. Сумма трехъ интерваловъ тетрахорда равна $2\frac{1}{2}$ тонамъ, и два интервала равны между собою, а третій имѣеть отличительную отъ нихъ величину и служитъ характеристическимъ признакомъ тетрахорда. Если характеристическимъ интерваломъ является полутонъ, то образуется діатонической родь, если же полтора тона—хроматической, а два тона—энармонической. Напр.:

тетрахордъ	1	т.	1	т.	$\frac{1}{2}$	т.	діатонического рода (строя)
"			$\frac{1}{2}$	т.	$\frac{1}{2}$	т.	$1\frac{1}{2}$ т. хроматического "
"			$\frac{1}{4}$	т.	$\frac{1}{4}$	т.	2 т. энармонического "

Въ зависимости отъ мѣстоположенія въ тетрахордѣ характеристического интервалла—въ началѣ (или внизу), въ серединѣ и

въ концѣ (вверху) — возникаетъ тотъ или другой ладъ тетрахорда. Такъ, если характеристической интервалль въ началѣ, то образуется *дорійскій* ладъ, въ срединѣ — *фригійскій*, и въ концѣ — *лидійскій* *).

Тетрахорды.	$\begin{cases} \frac{1}{2} \text{ т. } 1 \text{ т. } 1 \text{ т. діатонического рода} \\ \frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. хроматического } " \\ 2 \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. энармонического } " \end{cases}$	дорійского лада.
-------------	--	---------------------

Тетрахорды.	$\begin{cases} 1 \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. } 1 \text{ т. діатонического рода} \\ \frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. хроматического } " \\ \frac{1}{4} \text{ т. } 2 \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. энармонического } " \end{cases}$	фригійского лада.
-------------	--	----------------------

Тетрахорды.	$\begin{cases} 1 \text{ т. } 1 \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. діатонического рода} \\ \frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. хроматического } " \\ \frac{1}{4} \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. } 2 \text{ т. энармонического } " \end{cases}$	лидійского лада.
-------------	---	---------------------

Соединеніе двухъ тетрахордовъ раздѣленныхъ цѣлымъ тономъ образуетъ законченную систему *октахорда* (осмизвучный звукорядъ).

Тетрахорды.	нижній.	верхній.	дорійскаго лада.
	$\begin{cases} \frac{1}{2} \text{ т. } 1 \text{ т. } 1 \text{ т.} \\ \frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т.} \\ 2 \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т.} \end{cases}$	$\begin{cases} 1 \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. } 1 \text{ т. діатонич. рода} \\ 1\frac{1}{2} \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. хроматич. } " \\ 2 \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. энармонич. } " \end{cases}$	

Тетрахорды.	нижній.	верхній.	фригійскаго лада.
	$\begin{cases} 1 \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. } 1 \text{ т.} \\ \frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т.} \\ \frac{1}{4} \text{ т. } 2 \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т.} \end{cases}$	$\begin{cases} 1 \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. } 1 \text{ т. діатонич. рода} \\ 1\frac{1}{2} \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. хроматич. } " \\ \frac{1}{4} \text{ т. } 2 \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. энармонич. } " \end{cases}$	

Тетрахорды.	нижній.	верхній.	лидійскаго лада.
	$\begin{cases} 1 \text{ т. } 1 \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т.} \\ \frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т.} \\ \frac{1}{4} \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. } 2 \text{ т.} \end{cases}$	$\begin{cases} 1 \text{ т. } 1 \text{ т. } \frac{1}{2} \text{ т. діатонич. рода} \\ \frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. } 1\frac{1}{2} \text{ т. хроматич. } " \\ \frac{1}{4} \text{ т. } \frac{1}{4} \text{ т. } 2 \text{ т. энармонич. } " \end{cases}$	

*.) Происхожденіе или *распльвъ* этихъ ладовъ — тетрахордовъ приписывается тремъ эллинскимъ племенамъ — Дорійцамъ, Фригійцамъ и Лидійцамъ.

Указанный способъ соединенія тетрахордовъ,—при которомъ раздѣлительный цѣлый тонъ или діацевксисъ находится между тетрахордами,—назыв. системою діацевменонъ, или соединеніемъ по діацевксису—съ раздѣломъ.

Соединеніе двухъ тетрахордовъ безъ діацевкса образуетъ систему гептахорда (семизвучія), которая доводится до полноты октахорда прибавленіемъ внизу или вверху звукоряда одного звука чрезъ діацевксисъ.

При этомъ въ срединѣ тетрахордовъ образуется общий звукъ, на который приходится начало одного и конецъ другого тетрахорда (идя къ нему снизу или сверху—все равно),—связующій тетрахорды и потому именуемый суннаою—связью. Способъ соединенія тетрахордовъ по суннаѣ или со связью называется системою суннемменонъ. Прибавленный чрезъ діацевксисъ къ связнымъ тетрахордамъ звукъ называется просламваноменосомъ (прибавленнымъ звукомъ). Просламваноменось причисляется къ группѣ звуковъ того тетрахорда предъ или послѣ котораго находится и образуетъ съ нею пятизвучный звукорядъ или пентахордъ. Такимъ образомъ октахорды системы суннемменонъ состоятъ изъ двухъ звуковыхъ группъ—пентахорда и тетрахорда, или обратно. Въ зависимости отъ того вверху или внизу октахорда находится пентахордъ (признакомъ его служить діацевксисъ), къ названію лада прибавляется греческій предлогъ гупер (верхнѣ) и гупо (нижнѣ). Напр.: гупердорійскій ладъ (верхнедорійскій, или напряженно дорійскій), гуподорійскій ладъ (ижнедорійскій, или вялодорійскій).

Гуперлады:

	тетрахордъ.	суннао.	пентахордъ.	діацевксисъ.	
1)	$\frac{1}{2}$ т. 1 т. 1 т.		$\frac{1}{2}$ т. 1 т. 1 т.	1 т. діатонич. рода	дорійскіе.
2)	$1\frac{1}{2}$ т. $\frac{1}{2}$ т. $\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т. $\frac{1}{2}$ т. $\frac{1}{2}$ т.	1 т. хроматич. "	
3)	2 т.	$\frac{1}{4}$ т. $\frac{1}{4}$ т.	2 т. $\frac{1}{4}$ т. $\frac{1}{4}$ т.	1 т. энармонич. "	

	тетрахордъ.	суннао.	пентахордъ.	діацевксисъ.	
4)	1 т. $\frac{1}{2}$ т. 1 т.		1 т. $\frac{1}{2}$ т. 1 т.	1 т. діатонич. рода	фригійскіе.
5)	$\frac{1}{2}$ т. $1\frac{1}{2}$ т. $\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т. $\frac{1}{2}$ т. $\frac{1}{2}$ т.	1 т. хроматич. "	
6)	$\frac{1}{4}$ т. 2 т. $\frac{1}{4}$ т.	$\frac{1}{4}$ т.	2 т. $\frac{1}{4}$ т.	1 т. энармонич. "	

	тетрахордъ.	сугнаea.	пентахордъ.			діацевксисъ.	
7)	1 т.	1 т.	$\frac{1}{2}$ т.	1 т.	1 т.	$\frac{1}{2}$ т.	1 т. діатонич. рода
8)	$\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т.	1 т. хроматич. „
9)	$\frac{1}{4}$ т.	$\frac{1}{4}$ т.	2 т.	$\frac{1}{4}$ т.	$\frac{1}{4}$ т.	2 т.	1 т. энармонич. „

ГУПОЛАДЫ:

	діацевксисъ.	пентахордъ.	сугнаea.	тетрахордъ.		діацевксисъ.	
10)	1 т.	$\frac{1}{2}$ т.	1 т.	1 т.	$\frac{1}{2}$ т.	1 т.	1 т. діатонич. рода.
11)	1 т.	$1\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	хроматич. „
12)	1 т.	2 т.	$\frac{1}{4}$ т.	$\frac{1}{4}$ т.	2 т.	$\frac{1}{4}$ т.	1 т. энармонич. „

	діацевксисъ.	пентахордъ.	сугнаea.	тетрахордъ.		діацевксисъ.	
13)	1 т.	1 т.	$\frac{1}{2}$ т.	1 т.	1 т.	$\frac{1}{2}$ т.	1 т. діатонич. рода.
14)	1 т.	$\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т.	хроматич. „
15)	1 т.	$\frac{1}{4}$ т.	2 т.	$\frac{1}{4}$ т.	$\frac{1}{4}$ т.	2 т.	1 т. энармонич. „

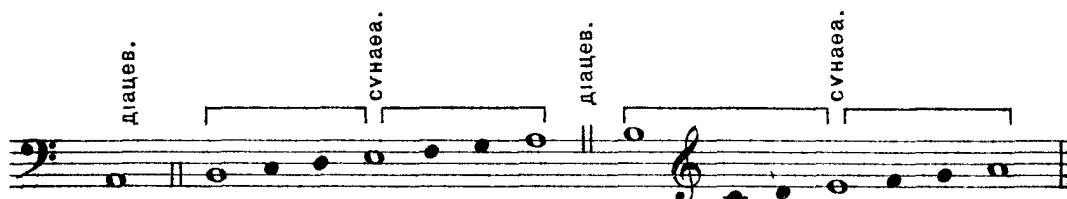
	діацевксисъ.	пентахордъ.	сугнаea.	тетрахордъ.		діацевксисъ.	
16)	1 т.	1 т.	1 т.	$\frac{1}{2}$ т.	1 т.	1 т.	$\frac{1}{2}$ т. діатонич. рода.
17)	1 т.	$\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$\frac{1}{2}$ т.	$1\frac{1}{2}$ т. хроматич. „
18)	1 т.	$\frac{1}{4}$ т.	$\frac{1}{4}$ т.	2 т.	$\frac{1}{4}$ т.	$\frac{1}{4}$ т.	2 т. энармонич. „

Лады системы діецевгменонъ назыв. самостоятельными—автентическими. Къ нимъ же причисляются гулерлады дорийскіе,—какъ являющіеся собою отдельные (ни чѣмъ неповторяющіеся въ другихъ ладахъ) виды,—подъ именемъ *миксолидійскихъ*—„смѣсь“ дорийскихъ съ лидійскими. Гулерлады и гуполады именуются побочными—плагальными (займствованными).

Большія системы образуются также чрезъ соединеніе тетрахордовъ. Такъ,—имѣется **малая совершенная система**, состоящая изъ трехъ связныхъ дорійскихъ тетрахордовъ съ прославленоменосомъ внизу: (діатонич. рода)

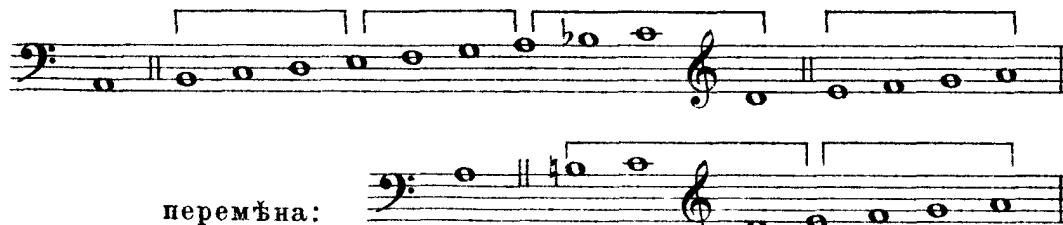
великая неизмѣняемая совершенная система — изъ двухъ паръ связныхъ дорійскихъ тетрахордовъ съ прославленоменосомъ внизу и діацевкисомъ въ срединѣ: (діатонич. рода)

и великая **перемѣнная совершенная система**, представляющая собой соединеніе двухъ предыдущихъ системъ: (діатонического рода)

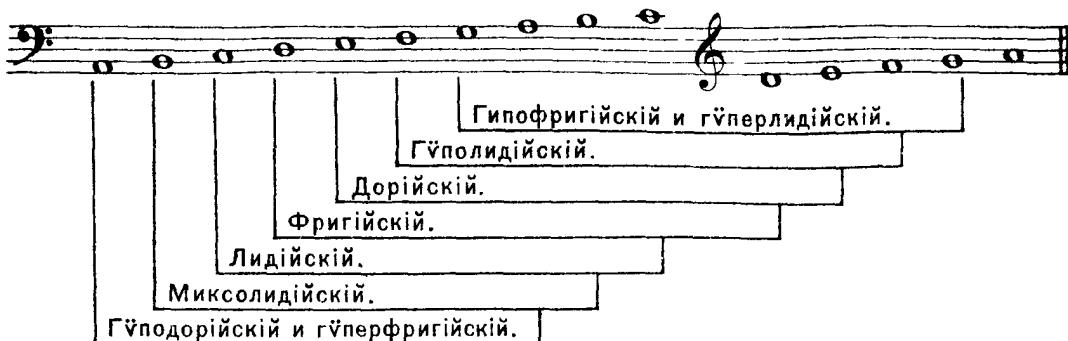

или:

Перемѣнная система даетъ возможность дѣлать переходы (модуляціи или, по-гречески, метаволы) изъ лада въ ладъ въ желательной области звуковой высоты.

Лады размѣщаются на великой системѣ въ слѣдующемъ порядке: (діатонич. рода)

Лады гуподорійскій и гуперфригійскій, а также гупофригійскій и гуперлидійскій при одинаковой высотѣ различаются расположениемъ своихъ членовъ—пентахорда и тетрахорда:—въ гуполадахъ за пентахордомъ слѣдуетъ тетрахордъ, а въ гуперладахъ—наоборотъ:—

Гиподорійський ладъ.

Гүперфригійскій ладъ.

Гypoфригiйскiй ладъ.

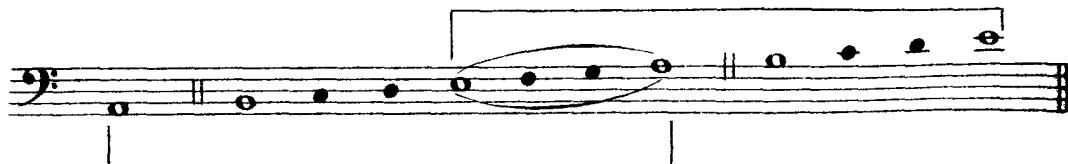

Гїперлідійскій ладъ.

Иначе говоря—лады эти разнятся другъ отъ друга тонической и доминантовой областями. Древніе дидаскалы (учителя) пентахордъ считали главной областью вращенія мелодіи, и въ немъ полагали основную гармонію лада. Отсюда—по нашему гармоническому толкованію лада,—гупдорійскій ладъ имѣть тонику *la*, а гуперфригійскій—*re*; также и гупофригійскій ладъ имѣть тонику *sol*, а гуперлидійскій—*do*.

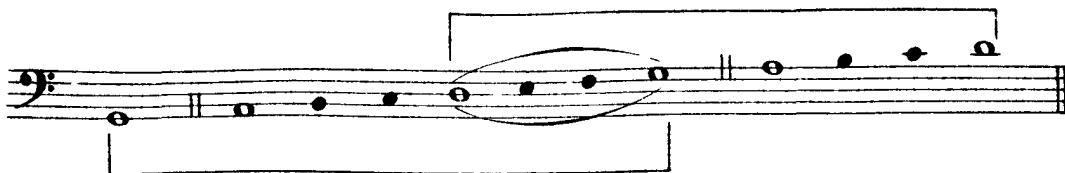
При сопоставлении автентическихъ ладовъ съ ихъ одноименными plagальными—

Автентическій дорійскій ладъ.

Плагальний гїподорійскій ладъ.

Автентический фригийский ладъ.

Плагальный гюфригийский ладъ.

Автентический лидийский ладъ.

Плагальный гюполидийский ладъ.

Автентический миксолидийский ладъ.

Плагальный гюпомисолидийский ладъ.

оказывается, что они связаны—свящеированы—общимъ тетрахордомъ и какъ бы идутъ другъ другу навстрѣчу: plagальный стремится вверхъ къ основному тону автентического, а послѣдній опускается въ середину plagального. Начальный тонъ автентического лада служить центромъ для обоихъ ладовъ, но достиженіе этого центра есть основаніе движенія у plagального лада, а у автентического—возвращенія къ покою. Амбросъ выражаетъ это словами: „Не нуждающійся въ помощи, но исполненный любви, идущій на встрѣчу, соприкасается автентической ладъ съ предѣлами своего plagального; онъ представляетъ изъ себя положительного, полнаго силъ мужчину, тогда какъ plagальный, тяготѣющій къ автентическому, изображаетъ неустойчивую, нуждающуюся въ поддержкѣ женщину“.—Морицъ Карреръ дополняетъ это опредѣленіе:—„Автентический ладъ—исходящее и снова возвращающееся движеніе божественной жизни, plagальной же—посыгающей на страстное желаніе людей найти въ немъ покой“. Науманъ ко всему этому добавляетъ: „Выраженіе, заключающееся въ автентическомъ ладѣ, походитъ на выраженіе лицъ тѣхъ святыхъ и ангеловъ, которыхъ мы видимъ на средневѣковыхъ картинахъ, исполненныхъ божественной истины и непричастныхъ болѣе къ земному, смотрящихъ на міръ, всѣдая на облакахъ. Выраженіе plagального лада, напротивъ, напоминаетъ страстно ожидающій или полный скорби, устремленный къ небу взоръ, который присущъ принадлежащимъ землѣ

кающимся Магдалиномъ, скорбящей Богоматери (*mater dolorosa*) и мученикамъ, которыхъ мы также встречаемъ въ произведенияхъ древне-христіанскихъ художниковъ“.

Этимъ ученіемъ о звукорядахъ исчерпывается вся тоническая сторона эллинской музыки. Изъ звукового материала въ этомъ именно его видѣ строилось церковное пѣніе христіанской церкви. Во все послѣдующее время, до XV в. по крайней мѣрѣ, авторитетъ эллинскихъ музыкальныхъ традицій былъ силенъ для пѣсно-творцовъ не только духовной, но и свѣтской музыки. Ихъ незыблемость никогда не отвергалась, не можетъ быть отвергнута и теперь.—Лишь съ теченіемъ времени стало казаться, что полный ассортиментъ средствъ эллинской музыки излишне роскошъ для скромнаго христіанского богослуженія, въ которомъ эстетичность художественныхъ произведеній стояла все-таки далеко не на первомъ планѣ, и не *утѣхи*, а *назиданія* ожидались отъ нихъ.

Этотъ взглядъ на значеніе искусства въ Церкви очень хорошо выраженъ въ словахъ св. Василія Великаго:—Поелику Духъ св. зналъ, что трудно вести родъ человѣческій къ добродѣтели, что по склонности къ удовольствію мы нерадимъ о правомъ пути, то что дѣлаетъ? Къ ученіямъ примѣщиваетъ пріятность сладкопѣнія, чтобы вмѣстѣ съ усладительнымъ и благозвучнымъ для слуха принимали мы непримѣтнымъ образомъ и то, что есть полезнаго въ словѣ. На сей то конецъ изобрѣтены для насъ стройныя пѣснопѣнія псалмовъ, чтобы и дѣти возрастомъ, или вообще невозмужавшіе нравами, *повидимому* только пѣли ихъ, а въ дѣйствительности обучали свои души“.

Какъ св. Василій В., такъ и всѣ Отцы Церкви смотрѣли на значеніе искусствъ, призванныхъ Церковью на службу себѣ. Зодчество-ли, живопись, поэзія, музыка, ораторское и декламаторское и всякое другое искусство выступаютъ въ Церкви не за свой счетъ, не во всемъ своемъ объемѣ, но въ цѣляхъ и въ мѣрахъ Церковью предоставленныхъ. Предстоятелямъ Церкви мнилось, что роскошь художественныхъ средствъ и формъ можетъ если не совершенно заслонять собою того, что Церковь считала „единымъ на потребу“, то затушевывать оное и уклонять мысль и чувство въ сторону *житейскихъ попеченій*, въ молву о многомъ.

Поэтому Церковь очень постепенно урѣзывала, сокращала до потребнаго себѣ объема въ количественномъ и качественномъ отношеніи средства эллинской музыки. Разграничение на необходимое и излишнее въ этихъ средствахъ особенно прочно установилось къ тому времени, когда въ христіанствѣ образовались богослужебные чины и новый жизненный укладъ, когда всѣмъ этимъ оно отъединилось отъ всего языческаго, или того, что не суть христіанское, — а впослѣдствіи, даже — не суть православное,—когда стало что охранять. Тогда христіанское пѣніе и въ характерѣ своемъ и даже въ традиціяхъ отъединилось отъ общихъ

течений въ музыкѣ, и затѣмъ стало охраняться отъ чуждыхъ христіанству—хотя бы какъ общему *настроенію*—элементовъ.

Современемъ дѣло такого охраненія пошло глубже: въ богослужебное пѣніе не стало допускаться и все чуждое общему національному характеру того или другого народа.

Такой ходъ исторіи церковнаго пѣнія и видъ развитія его обусловленъ ходомъ исторіи и направленіемъ въ развитіи идей Церкви.

Именно, — господствовавшая въ началѣ идея *каѳоличности* (хадѣлу — по цѣлому, или сообразно цѣлому) Церкви вскорѣ начала пополняться идеей *соборности* (собиранія частей въ цѣлое) ея. Отсюда и *автокеѳалія* (*самоглавность, самостоятельность*) церквей. Но автокеѳаліи не являются собою *отдѣленія* или разобщенія, но только *различіе*,—какъ не являются разобщенія, но сохраняютъ различіе части единаго тѣла; какъ не разобщены, но различны по состоянію люди единаго народа, члены единой семьи, умъ, чувства и воля одного человѣка.

Церковь не требуетъ пустого безразличія и скучнаго однобразія, но даруетъ всему *многоразличію* единый смыслъ; всякую жизнь возводить къ источнику бытія—Богу; она организуетъ изъ *различнаго* по состоянію *единое* по существу.

Автокеѳаліи жизненны только въ Соборѣ, а Соборъ живъ каѳоличностью, т. е.—сообразностью своей со вселенскимъ исповѣданіемъ истины, съ безусловными началами, съ абсолютнымъ цѣльмъ въ Духѣ Святѣ, иже отъ Отца исходитъ и въ Сынѣ почиваетъ.

Пѣніе церквей народностью своей не отъединяется отъ общей церковной музыки, но только вноситъ въ нее разнообразіе. Пѣніе всей Церкви ограждено отъ общимъ характеромъ, направленіемъ и даже правилами, но *внутри* самаго огражденія оно должно имѣть—и имѣеть—свободу въ выраженіи, формѣ и т. п. Основа, подпочва, питающая корень пѣнія всей Церкви, одна—это духъ христіанскаго богослуженія (онъ-то и служить оградой ему отъ внѣцерковнаго пѣнія),—но проникновеніе этимъ духомъ, или—лучше—жизнь духа многоразлична по формамъ въ различныхъ церквяхъ.

Уподобляя пѣніе (языкъ чувствъ) языку-рѣчи (выраженію мысли), должно сказать вмѣстѣ съ В. Соловьевымъ, что „различіе языковъ есть различіе существенныхъ формъ душевной жизни, и это важно, поскольку каждая изъ такихъ формъ представляетъ особую качественность души“. Но то важнѣйшее,—„которое воспринимается этими формами по-своему, и которое, всѣми ими воспринимаемое, ни одною неисчерпываемое и ни одну неисключающее,—именно—содержаніе (въ отношеніи къ церковному пѣнію это будетъ духъ христіанскаго богослуженія) есть положительное и самостоятельное начало скрытаго единства и явнаго объединенія для всѣхъ“.

Продолжая аналогіи изъ области пѣнія и языка—можно сказать, что *разноязычіе* не мѣшаетъ *единомыслію*, а *единоязычіе*

не устраниетъ *разномыслія*. Отсюда, — попытки удержать одни формы языка или создать волапукъ—хотя бы и музыкальной—равны тому дѣянію, которое совершили вавилонскіе столпотворители, (принявши единую форму для единенія людей—столпъ),—смѣшенію различныхъ понятій и душевныхъ качественостей, ведущему къ *раздѣленію* на языки (народы).

Въ день Пятидесятницы въ первоцеркви явились *раздѣляющіеся* (но не *раздѣляющіе*) языки и слышались глаголы на *иныхъ* языкахъ о величіяхъ Божіихъ, и оттого *раздѣленные* вавилонскимъ *смѣшеніемъ* „парәяне и мидяне и еламите“ и „мужіе благовѣйніи отъ всего языка, яже подъ небесемъ“ пришли къ *единенію*, составили Церковь.

Таково дѣло Церкви—быть вселенскимъ единствомъ не чрезъ однонародность (хотя-бы въ послѣдующемъ времени и достижимую, да нетребующую съ необходимостью), но чрезъ всенародность.

Въ такомъ разумѣніи своего дѣла Церковь свободно, руководясь только своею общою *настроеннostю*, избирала пригодныя для себя художественныя и техническія музыкальныя средства.

Такъ, на первыхъ порахъ она отъединилась отъ общей музыки внутреннимъ характеромъ своего пѣнія, употребляя мелодіи простыя, важныя, съ углубленными выраженіями чувства. Съ теченіемъ времени симпатіи Церкви стали склоняться, а потомъ и окончательно перешли на сторону діатонического рода пѣнія.

Уже въ началѣ III в. Климентъ Александрийскій (ум. 220 г.) „находилъ хроматическій родъ пѣнія слишкомъ нѣжнымъ и усладительнымъ для слуха, и потому совѣтывалъ паствѣ своей избѣгать хроматическихъ мелодій, даже при домашнемъ упражненіи въ пѣніи. Энармонический родъ пѣнія также не принадлежалъ къ общеупотребительнымъ въ первенствующей церкви Христовой, можетъ быть по чрезвычайной трудности его для точного и вѣрнаго исполненія. Въ это время даже свѣтскіе пѣвцы значительно охладѣли къ энармоническому пѣнію. Плутархъ, писатель I в. по Р. Х., очень сожалѣлъ объ этомъ и говорилъ: „нынѣшніе наши музыканты оставляютъ столько любимый древними родъ пѣнія, въ которомъ они преимущественно упражнялись по причинѣ его важности, и очень немногіе изъ нихъ имѣютъ понятіе объ энармоническомъ интерваллѣ“. (Д. Разумовскій).

Впослѣдствіи изъ всѣхъ ладовъ греческой музыки были избраны для церковнаго пѣнія такіе, которые казались наиболѣе строгими или важными и здравыми или скромными.

Такъ напр., древнѣйший изъ ладовъ дорійскій ладъ, служившій—какъ уже сказано—основой еврейскаго псалмопѣнія, и у грековъ считавшійся священнымъ,—стоялъ во главѣ ладовъ „здраваго сладкопѣнія“ первенствующей церкви, такъ какъ псалмопѣніе составляло одну изъ важнѣйшихъ частей богослуженія ея. Напѣвамъ дорійского лада усваивалось укрошающее порывы страсти дѣйствіе. „Сказываютъ, писалъ св. Василій В., что Пиѳагоръ,

встрѣтивъ упившихся на пиру, свирѣльщику, который управлялъ пиромъ, велѣлъ, перемѣнивъ напѣвъ, заиграть на дорической ладѣ и отъ этой игры пирующіе такъ образумились, что, сбросивъ съ себя вѣнки, разошлись со стыдомъ“.

Такимъ же уваженіемъ древнихъ греческихъ пѣвцовъ пользовался и фригійскій ладъ. Только лады дорійскій и фригійскій Платонъ позволялъ употреблять гражданамъ своей республики. Фригійскому ладу приписывалась способность возбуждать духъ мужества. Такой ладъ могъ приличествовать и христіанской церкви, воинствующей на землѣ.

Климентъ Александрійскій упоминаетъ еще о ладахъ лидійско-миксолидійскомъ и гулофригійскомъ, какъ современныхъ и употребительныхъ.

Такимъ образомъ исторія свидѣтельствуетъ, что уже къ III вѣку многое изъ эллинскихъ музыкальныхъ традицій не удержалось, и что преобладаніе діатонического рода въ пѣніи Церкви становилось весьма замѣтнымъ въ это время.—

§ 11. Пѣснопѣнія первенствующей Церкви состояли изъ ПСАЛМОВЪ, находящихся въ Псалтири,—ПѢНІЙ или пѣсней, помѣщенныхъ въ другихъ священныхъ книгахъ, и ПѢСНЕЙ собственно христіанскихъ, бывшихъ плодомъ вдохновенія новыхъ чадъ Божіихъ, по дару Св. Духа, изобильно изліянного на нихъ. О семъ св. апостолъ свидѣтельствуетъ, говоря: „исполняйтесь Духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніяхъ и пѣснехъ духовныхъ“. (Ефес. V, 19).

Псалмы были самыми употребительными въ пѣніи ветхозавѣтной церкви. Подъ именемъ „пѣній“ разумѣются слѣдующія пѣсни, воспѣвавшіяся іудеями: 1) пѣснь Моисеева—„Поимъ Господеви, славно бо прославися“ (Исх. XV, 1—18); 2) того же св. Пророка пѣснь—„Вонми небо и возлаголю, и да слышитъ земля глаголы усть моихъ“ (Втор. XXXII, 1—43); 3) пѣснь св. Анны, матери Самуила Пророка—„Утвердися сердце мое въ Господѣ, вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ“ (1 Цар. II, 1—10); 4) пѣснь-молитва св. пророка Аввакума—„Господи, услышахъ слухъ Твой, и убояхся; Господи, разумѣхъ дѣла Твоя, и ужасохся“ (Пр. Авв. III, 1—19); 5) пѣснь св. пророка Исаіи—„Се градъ крѣпокъ..... отъ ноши утреннюють духъ мой къ тебѣ Боже“ (Ис. XXVI, 1—21); 6) пѣснь св. Пророка Іоны—„Возопиши въ скорби моей ко Господу Богу моему, и услыша мя“ (Іона II, 3—10); 7) пѣснь св. трехъ отроковъ—„Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, хвально и прославлено имя Твое во вѣки“ (Дан. III, 26—45); 8) вторая пѣснь отроковъ—„Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, и препѣтый и превозносимый во вѣки“ (Дан. III, 52—90).

Къ этимъ пѣснямъ присоединяются и тѣ, кои были воспѣты на зарѣ нового дня, предъ самымъ восходомъ умнаго Солнца: 9) пѣснь Пресв. Богородицы—„Величитъ душа моя Господа“ (Лук. I,

46—55), и 10) пѣснь св. пророка Захаріи, отца Предтечи—„Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти, и сотвори избавленіе людемъ Своимъ“ (Лук. I, 68—79).

Псалмами и пѣніями ветхозавѣтная церковь воспѣвала величіе и чудеса Божіи, прообразовательно исповѣдала благую вѣсть о Спасителѣ міра,—и преемница ея—церковь новозавѣтная тѣми же пѣснопѣніями восхваляла благость Отца небеснаго, ведшаго отъ лѣтъ древнихъ родъ человѣческій ко спасенію чрезъ Единороднаго Сына Своего.

Первенствующая Церковь не ограничилась одними псалмами ветхозавѣтными, но на первыхъ же порахъ воспѣла и свои духовныя пѣсни, названныя такъ въ показаніе происхожденія ихъ отъ Того же Духа, Который вдохновлялъ къ пѣснопѣніямъ и св. Пророковъ,—и въ отличіе отъ плотскихъ, чувственныхъ и страстныхъ пѣсней язычниковъ, составлявшихъ принадлежность идоложертвенныхъ пиршествъ *).

Времена апостольскія и даже близкія къ нимъ были столь обильны дарами Св. Духа, что самъ Духъ, можно сказать, былъ пѣвцемъ славы Божіей въ сердцахъ вѣрующихъ. „Пѣсни первенствующихъ христіанъ отличались внезапностью вдохновенія. Кроме того нерѣдко даръ пѣснопѣнія соединялся въ одномъ и томъ же лицѣ съ даромъ языковъ, такъ что вдохновенные свыше пѣсни воспѣвались на разныхъ языкахъ. Обилие сего сугубаго, такъ сказать, дара было столь велико, что иногда объятые Духомъ воспѣвали божественные пѣсни на языкахъ непонятныхъ для большей части присутствовавшихъ, или даже ни для кого непонятныхъ **“). (Флоринскій).

Отъ богосвѣтлаго Апостольского вѣка доселѣ сохранились въ Церкви три пѣсни:—славословіе малое (Слава Отцу, и Сыну, и Св. Духу, и нынѣ...), славословіе великое (Слава въ вышнихъ Богу...) и „Свѣте тихій“.

„Въ Постановленіяхъ Апост. помѣщены двѣ молитвы—утрення и вечерняя, ничѣмъ не различающіяся отъ нашего славословія въ томъ видѣ его, какъ оно возглашается въ будніе дни. Нѣкоторые думаютъ, что упоминаемая языческимъ писателемъ 2-го вѣка Лукіаномъ пѣснь христіанъ и называемая имъ „пѣснію, въ которой находится много именъ (Πολυώνομος ωδὴ) есть наше великое славословіе. О пѣсни „Свѣте тихій“ упоминаетъ св. Василій В., какъ о пѣсни весьма древней уже въ его время“. (Флоринскій).

*) Языческое богослуженіе сопровождалось пьянственнымъ веселіемъ, и такая веселость языческою совѣстю считалась за честь угодную богамъ. Это было въ порядкѣ того времени: каковы боги, таково и служеніе богамъ. Таковое богослуженіе безъ стыда предписывали даже умные люди. Платонъ говорилъ: „пить до упоенія прилично только въ праздники бога, дающаго вино“, т. е. Бахуса. А Плутархъ писалъ, что не только въ праздникъ Бахуса, но и при совершенніи всѣхъ мистерій „позволено предаваться веселостямъ до пьянства, смѣха и шутокъ“ (Филаретъ Черниг.).

**) 1 Коринѳ. XIV, 15.

Своей вечернею пѣснію φῶς ἡλαρὸν (Свѣте тихій) древніе христіане подражали, вѣроятно, обычаю грековъ язычниковъ восхліцать при захожденіи солнца: φῶς αγαθὸν (Свѣте добрый).

То обстоятельство, что названыя три пѣсни какъ по духу, такъ и по смыслу и самому вѣщенному выраженію своему имѣютъ тѣснѣйшее сродство съ новозавѣтнымъ Писаніемъ, въ особенности съ Апокалипсисомъ, даетъ основаніе предположенію, что если не самъ св. Іоаннъ Богословъ, то кто-либо изъ ближайшихъ учениковъ его былъ составителемъ ихъ.

Къ числу пѣснопѣній, воспѣвавшихся въ I в. христіанами, должно отнести и молитву прав. Симеона Богопріимца „Нынѣ отпущаєши *“), а также и слѣдующее мѣсто изъ 1-го посланія ап. Павла къ Тимоѳею (III, 16):

Богъ явился во плоти, оправдался въ Духѣ,
Показалъ Себя ангеламъ, проповѣданъ въ народѣ,
Принять вѣрою, вознесся во славѣ.

Его же (Еф. V, 14):

Востани спай
и воскресни отъ мертвыхъ
и просвятить тя Христосъ. (Прич. въ Велик. Суб.).

Полагаютъ также, что и слѣдующія слова св. апостола взяты имъ изъ общественнаго гимна (2 Тим. II, 11—12):

Если съ Нимъ умерли
съ Нимъ и оживемъ.
Если терпимъ,
то и царствовать будемъ съ Нимъ.
Если отречемся
и Онъ отречется отъ насъ.
Если мы невѣрны,
Онъ пребываетъ вѣренъ,
отречься Себя не можетъ.—

Къ апостольскимъ также временамъ нужно отнести: 1) читаемое въ Апостольскихъ Пост. молитвенное пѣніе „Господи помилуй“, которое первое время возглашалось всѣмъ народомъ; 2) ангельскую побѣдную пѣснь „свѧть, свѧть, свѧть Господь Саваоѳъ“, которая въ Пост. Апост. находится въ числѣ пѣснопѣній церковныхъ, а во всѣхъ древнихъ літургіяхъ (ап. Іакова, Клиmenta, св. Василія В., св. Іоанна Злат.) указывается какъ такая, которую вѣрующіе должны пѣть особенно громкимъ голосомъ; 3) хвалебное пѣніе „Аллилуїя“, взятое изъ іудейской гимнологіи; 4) молитву Господню „Отче нашъ...“, которую въ Пост. Апост. (кн. VII, 24) опредѣлено пѣть каждый разъ трижды; 5) заимствованный по выраженію изъ псалма 94 входный гимнъ „Прідите, поклонимся и припадемъ ко Христу“; 6) благодарственное пѣніе „слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ“, пѣвшееся въ древней Церкви предъ чтенiemъ Евангелія и по окончаніи евангельского

^{*}) Сія пѣснь помѣщена въ „Апост. пост.“, какъ пѣснь вечерняя.

отдѣла; 7) пѣснь „Да молчитъ всякая плоть...“, пѣвшуюся до временъ Юстініана на литургіи св. апост. Іакова, а нынѣ поющуюся единожды въ годъ—въ Великую Субботу, и 8) припѣвы антифоновъ—„молитвами Богородицы...“ и „спаси ны Сыне Божій...“ (введены въ послѣдней четверти I вѣка св. Игнатіемъ Боносцемъ).

§ 12. Пѣснотворчество въ первенствующей Церкви было дѣломъ высшихъ представителей церковной іерархіи, ибо требовало для себя со стороны пѣснотворцевъ глубокой образованности, совершенного знанія Свящ. Писанія *), прочно установившейся христіанской настроенности и сугубой благодати Св. Духа,—носителями которыхъ, по смыслу самого положенія своего въ Церкви, могли быть только епископы. Епископы и являлись пѣснотворцами непосредственно, когда сами слагали священные пѣсни, и косвенно—когда, по праву предстоятелей мѣстныхъ церквей, своей властью утверждали употребленіе новыхъ пѣснопѣній при богослуженіи.

Глубина мыслей и совершенство формъ священныхъ пѣснопѣній, дошедшихъ до насъ отъ апостольского вѣка, показываютъ, что творцы послѣднихъ не только имѣли нарочито просвѣтленный духовный взоръ на домостроительство Божіе — что могло быть дѣйствиемъ благодати на нихъ,—но и вполнѣ владѣли высшимъ искусствомъ литературнаго изложенія, — что могло быть плодомъ только ихъ общей образованности.

Параллелизмъ въ мысляхъ и выраженіяхъ пѣснопѣній съ Свящ. Писаніемъ **) доказываетъ, что пѣснотворцы отличались совершеннымъ знаніемъ и глубокимъ пониманіемъ богодуховнаго писанія.

По мысли Церкви всѣ богослужебныя книги (тріоди, минеи и проч.) „содержать здравое и истинное Богословіе, и состоять изъ пѣсней, или выбранныхъ изъ Свящ. Писанія, или составленныхъ по внушенію Духа, такъ что въ нашихъ пѣснопѣніяхъ только слова другія, нежели въ Писаніи,—а собственно мы поемъ то же, что въ Писаніи, только другими словами“ (Посланіе Патр. Вост.-Каѳол. церкви о правосл. вѣрѣ).

А такъ какъ епископы являлись хранителями догматовъ религіи и блюстителями чистоты учений ея, то обязаны были, или

*) Древніе пѣснотворцы были и пѣснописцами, т. е. слагали и текстъ самого пѣснопѣнія и музыку для него. Всѣ высоко образованные люди непремѣнно знали музыку, т. к. изученіе ея входило въ кругъ высшаго образованія.

**) Предходять же сему... многоочитіи Херувими и шестокрылатіи Серафими, лица закрывающе и волюще пѣснь: аллилуія. (Іез. I, 18; Іс. VI, 2—3; Апок. IV, 6).

....Осanna въ вышнихъ! (Псал. 117, ст. 25; Мате. XIX, 38; Іоан. XII, 13).
....Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ. (Пс. 113, ст. 12).

....Господи, прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ. (Пс. 89, ст. 1).

....Азъ рѣхъ: Господи, помилуй мя... (Пс. 40, ст. 5).

сами составлять пѣснопѣнія для Церкви, или же имѣть тщательное смотрѣніе за составленіемъ ихъ другими лицами.—Впослѣдствіи обязанности по этой части отдѣльныхъ епископовъ перешли къ старѣйшимъ предстоятелямъ церковнымъ въ какой-либо области, или странѣ—къ митрополитамъ, патріархамъ и сунодамъ.

Далѣе слѣдуетъ имена нѣкоторыхъ епископовъ пѣснопѣвцевъ первенствующей Церкви:—

Св. Діонисій Ареопагитъ прославился въ I.; во время Успенія Пр. Богородицы онъ былъ вмѣстѣ съ апостолами и другими пастыреначальниками восхищенъ на облака и перенесенъ въ Іерусалимъ.

Св. Іероѳей Аѳинскій. О немъ свидѣтельствуетъ св. Діонисій Ареопагитъ какъ о преславномъ пѣснотворцѣ. Онъ былъ при погребеніи Богоматери и „когда всѣмъ предстоятелямъ благоразсудилось прославить, каждому по своимъ силамъ, безпредѣльную благость Божію, обнаружившуюся въ воплощеніи Сына Божія, то послѣ апостоловъ Іероѳей превосходилъ всѣхъ прочихъ свящ. пѣвцевъ хвалебныхъ пѣсней, весь исходя, весь изъ себя иступая, пріобщаясь предметамъ, которые воспѣвали, и всѣ слышавшіе и видѣвшіе его, понимавшіе и непонимавшіе, признавали его за вдохновленного и божественнаго пѣснотворца“. (Кн. объ именахъ Божіихъ, гл. 3-я.—Ист. Цер. Никиф. Каллиста, гл. 14, XV кн.).

Св. Ігнатій Богоносецъ (ум. 107 г.). Былъ авторомъ припѣвовъ на антифонахъ—„Молитв. Богор...“ и „Спаси ны Сыне Божій...“ При немъ въ Антіохійской церкви введено антифонное пѣніе на два лика (хора). Свою любовь къ пѣнію онъ засвидѣтельствовалъ въ посланіяхъ своихъ къ Ефесянамъ и Римлянамъ, убѣждая мѣстныхъ пресвитеровъ воспѣвать I. Х. въ единомысленной и истинной любви единодушнымъ и единогласнымъ пѣніемъ, и увѣщевая вѣрныхъ составлять хоры и славословить Бога въ мирѣ и единомыслии.

Св. Іустинъ філософъ, мученически скончавшійся въ 166 г. Онъ написалъ книгу „Пѣвецъ“ (*Ψαλτης*), содержавшую обозрѣніе христіанскихъ гимновъ, и указанія относительно того, какъ и въ какомъ порядкѣ должны были эти гимны пѣться на общихъ собраніяхъ.

Св. Климентъ Александрийскій (ум. въ 220 г.). Онъ написалъ много гимновъ и пѣсней, и убѣждалъ христіанъ довольствоваться музыкой благопристойной и скромной и избѣгать мелодій разнузданыхъ, располагающихъ къ распущенной жизни. Въ его время и послѣ былъ весьма употребителенъ въ Церкви гимнъ, написанный имъ:

Неукротимыхъ онагровъ смиритель,
Крыло птенцовъ летающихъ вѣрно,
Непоколебимое кормило юношей,
Пастырь агнцевъ царственныхыхъ... и т. д.

Св. Ипполитъ, епископъ „гавани близъ Рима“ (сконч. въ 250 г.).

Св. Григорій чудотворецъ, епископъ Неокесаріи (сконч. въ 250 г.).

Св. Анатолій, еп. Лаодикійський (сконч. въ 270 г.). Творецъ тропарей, въ значительномъ количествѣ вошедшихъ въ церковные книги.

Св. Аѳиногенъ, еп. Каппадокійской (сконч. въ 290 г.).

Непотъ, епископъ Пентапольскій (жилъ въ пол. III в.). Писаль гимны въ противодѣйствіе „злославнымъ“ гимнамъ африканского еретика Валентина и египетскаго—Іерака.

§ 13. *Пѣснопѣвцами или исполнителями пѣнія въ первенствующей Церкви были „ЛЮДІЕ“—какъ ихъ именуетъ Уставъ,—т. е. всѣ участники молитвенныхъ собраній. Христіанская община составляла изъ себя хоръ и выдѣляла искусствныхъ пѣвцовъ, исполнявшихъ обязанности запѣвалъ и руководителей общиннымъ пѣніемъ.*

Отцы церкви, историки и писатели древности говорятьъ объ общинномъ пѣніи въ Церкви. Правило Лаодикійского собора (367 г.), требовавшее, чтобы „кромѣ пѣвцовъ, состоящихъ въ клирѣ, на амвонъ восходящихъ и по книгѣ поющихъ“, ни кто другой не пѣль въ церкви,—указываетъ на существовавшій ранѣе обычай исполнять пѣніе общиной. И хотя установленіе отдѣльныхъ пѣвцовъ для исполненія богослужебнаго пѣнія восходитъ почти къ началу церкви христіанской, однако же чрезъ него народъ не устранился отъ участія въ пѣніи, но имъ лишь создавался институтъ опытныхъ исполнителей и отвѣтственныхъ руководителей пѣніемъ въ храмѣ. Въ этомъ же смыслѣ толкуется (Вальсамонъ) даже и вышеприведенное правило Лаодикійского собора.

Древнѣйшимъ (*Іерусалимскимъ*, приписываемомъ ап. Іакову) чиномъ Литургіи—какъ и современнымъ—совершенно требуется общинное пѣніе.

Кирилль Іерусалимскій (ум. 386 г.), оглашая готовящихся ко крещенію и уча вѣрующихъ разумѣнію чина Литургіи (*Іерусалимскаго*), говорилъ:—

„Послѣ того іерей возглашаетъ: горѣ сердца. На это вы отвѣчаете: имѣемъ ко Господу. Далѣе іерей говоритъ: благодаримъ Господа. На сіе говорите вы: достойно и праведно. Преданное намъ Серафимами богословіе (Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ) повторяемъ для того, чтобы сдѣлаться причастниками пѣснопѣнія вмѣстѣ съ премірными воинствами“. (Филаретъ Чернig. *).

^{*)} По чину Іаковлевой Литургіи читается слѣдующая молитва призываю Духа Св. „Помилуй насть, Господи Боже, Отче Всемогущій! Помилуй насть, Боже Спаситель нашъ! Помилуй насть, Боже, по великой милости Твоей и пошли на насть и на предлежаще дары всесвятаго Духа Твоего,—да низойдя, святымъ, благимъ и славнымъ присутствиемъ Своимъ освятить и сотворить хлѣбъ сей святымъ тѣломъ Христа Твоего (народъ отвѣчаетъ: Аминь) и сію чашу—драгоценную кровию Христа Твоего (народъ отвѣчаетъ: Аминь)“.

Нестроенія въ общинномъ пѣніи могли нѣкогда привести къ необходимости устранить его, но по самому смыслу богослуженія пѣніе это требуется. Оно и было въ Первенствующей Церкви какъ это явствуетъ изъ чина Литургіи, составленного въ согласіи со смысломъ богослуженія.

Отсюда слѣдуетъ, что могли и должны были быть устраниены нестроенія общинного пѣнія, само же общинное пѣніе ни въ какомъ случаѣ устраненію не могло подлежать. Такимъ образомъ исполненіе церковнаго пѣнія избранными пѣвцами есть восхищеніе правъ вѣрующаго народа и искаженіе смысла и чина богослуженія...

§ 14. Въ первые вѣка христіанства употреблялось эллино-греческое нотное письмо (парасимантика, или семіографія). Оно состояло изъ большихъ и малыхъ буквъ алфавита—цѣлыхъ или усѣченныхъ, простыхъ или двойныхъ, написанныхъ въ различныхъ положеніяхъ.

Такъ какъ источники, изъ которыхъ христіане первыхъ вѣковъ первоначально почерпали основанія для своего пѣснотворчества, были греческіе, то и нотное письмо было тоже самое, какое употреблялось у эллиновъ-язычниковъ.

Въ литературныхъ трудахъ Алипія, Аристида, Квинтиліана и Гавденція ^{*)} (приведенныхъ въ выдержкахъ у Мейбома (1652 г. „Αὐθηγμοι εἰσαγωγὴ ἀρμονικῆ“) содержатся музыкальные знаки древнихъ эллиновъ.

Среди этихъ знаковъ одни употреблялись для вокальной, другие же для инструментальной музыки, иные для діатонического рода, особливые для каждого изъ другихъ родовъ—хроматического и энармонического.

Ими обозначалась не абсолютная (безотносительная) высота звуковъ, а взаимныя отношенія послѣднихъ по строю.

Вотъ начертанія пѣвческихъ знаковъ діатонического рода, изображавшихъ ступени совершенной системы:

^{*)} Александръ Алипій, древне-греческій музыкантъ, время жизни которого точно неизвѣстно (предполагаютъ, что онъ жилъ между II и IV в. по Р. Х.), написалъ „Введеніе въ музыку“. Аристидъ Квинтиліанъ и Гавденцій (оба жили во II в. по Р. Х.)—тоже музыкальные теоретики и историки; первый изъ нихъ писалъ о мелодіи, ритмахъ и музыкал. знакахъ, а второму принадлежитъ введеніе въ гармонію.

Вотъ Алипіево описание этихъ знаковъ по-гречески и по-русски:

Ϙ	ѡ τετράγωνον πλάγιον ἀπεστραμένον	омега, четырехугольная лежачая *) обратная.
ϙ	ἡμιφὶ πλάγιον ἀπεστραμένον	полуфи лежачее обратное.
Ϛ	σίγμα δεπλοῦν ἀπεστραμμένον	двойная обратная сигма.
ϐ	ρῶ ἀνεστραμμένον	ро перевернутое.
Ϻ	ἀντινῦ	обращенное ни.
ϻ	ἰωτα πλάγιον	иота лежачая.
ϻ	ἡμιδῆτα κάτω νεῦον	полуёзта обращенная внизъ.
Ϻ	δέλτα ἀνεστραμμένον	дэлта перевернутая.
Ѡ	ѡ	омега.
Ѱ	ѱ	пси.
Ѳ	ѳ	фи.
Ҭ	ҭ	тау.
Ԍ	ԩ	ипсилонъ.
Ԍ	ԥ	пи.
Ԍ	ԥ	ми.
Ӆ	ڶ	ламбда.
Ӆ	ڶ	эта.
Ӯ	ӈ	гамма.
Ӯ	ӈ	бэта.

*) Изъ лежачихъ обратными называются буквы, обращенные верхними частями вправо.

Џ	ѡ тетраγωνου ὅπιον	омега четыреугольная лежащая навзничь.
Ѡ	ψī хάтω νεῦον	пси перевернутое.
Ѡ	χī διεφθορός	хи перечеркнутое.
Ѡ	ταῦ ἀνεστραμένον	тау перевернутое.

Эти музыкальные знаки надписывались надъ соотвѣтственными слогами текста, и при томъ или надъ каждымъ слогомъ отдельно, напр.:

ι μ υ μ μ ι υ μ ι σ ρ υ
Νε - με - σι πτε - ρο - εσ - σα, βι - ου - ρο - πα

или надъ однимъ только начальнымъ слогомъ, если рядъ словъ выпѣвался звуками одной высоты:—

μ υ υ υ υ υ υ υ
Δελ-φον α-υα πρω-ω-υα μα-αυ-τει-ει-ον ε-φε-πον πα-γον

Если на одинъ слогъ выпѣвалось нѣсколько звуковъ разной высоты, то его повторяли съ проставкою надъ нимъ знаковъ высоты, требуемой мелодическимъ ходомъ (какъ указано выше):

μ ι υ ι)
μα - αυ - τει - ει)

Если размѣръ распѣтаго стихотворенія оказывался разнобразенъ и сложенъ, то надъ звуковыми знаками иногда ставились ритмические знаки продолжительности звука. Звуковой знакъ безъ такой помѣты указывалъ продолжительность въ одну единицу времени (примѣрно въ $\frac{1}{8}$). Слѣдующія помѣты указывали—

—	дѣль	единицы времени (напр. = $\frac{2}{8}$)
—	три	" " (" = $\frac{3}{8}$)
—	четыре	" " (" = $\frac{4}{8}$)
—	пять	" " (" = $\frac{5}{8}$)

Если же размѣръ стихотворенія былъ однообразенъ, то достаточно было общаго обозначенія его, напр. йафѣс. (Г. Ивановъ. „Филологич. Обозр.“ Т. VII).

Въ названномъ выше изданіи Марка Мейбома *) можно найти всѣ частныя разновидности этихъ знаковъ, количествомъ до 1620, — такъ что Аристоксенъ справедливо говорилъ, что вся наука музыки заключалась въ парасимантикѣ. Этотъ отзывъ Аристоксена, жив. за 350 л. до Р. Х., опредѣляетъ время начала указанной парасимантики, относя его въ весьма глубокой древности.

Знаки временъ (указыв. продолжительность звука) изобрѣтены позднѣе знаковъ звуковъ,—именно въ Александрийскую

*) Маркъ Мейбомъ—музыкантъ-теоретикъ и историкъ XVII в.

эпоху. Исторически известно, что греческий языкъ до III в. предъ Р. Х. не имѣлъ знаковъ ни дыханія, ни ударенія. Александръ же В. и его преемники, въ виду того, что греч. языкъ и музыка стали сильно измѣняться въ устахъ иноплеменниковъ, предприняли мѣры къ сохраненію дѣйствительныхъ удареній въ языкѣ и гармоніи въ музыкѣ; александрийская школа въ свою очередь, ради сохраненія правильнаго произношенія словъ придумала знаки ударенія и дыханія, а для сохраненія музыкальнаго ритма и мелодіи гласовъ—особые знаки звуковъ и счета времени, заимствованные изъ буквъ алфавита.

Эта парасимантика сохранялась до IV в. послѣ Р. Х., когда получила большое распространеніе музыкальная *скорость*, т. е. искусство сократительнаго нотнаго письма посредствомъ особыхъ знаковъ (подоб. *крюкамъ* русскихъ), не похожихъ на буквы алфавита, но все-таки сохраняющихъ довольно ясные слѣды его, какъ это видно изъ антифонарія Григорія Двоеслова. Отсюда произошли тѣ, имѣющіе определенный смыслъ крюковидные знаки, каждымъ изъ коихъ композиторы обозначали цѣлые музыкальные предложения и строки. (Пападопуло).

ГЛАВА II.

Церковное пѣніе въ III и IV вв.

§ 15. По мѣрѣ распространенія христіанства и перехода его отъ уничиженаго къ господственному положенію, а также чрезъ обращеніе искусства пѣнія въ одно изъ средствъ борьбы съ ересями,—церковное пѣніе, въ періодъ времени отъ конца II в. и до послѣдней четверти IV в., претерпѣло слѣдующія измѣненія: а) оно усложнилось, стало болѣе искусственнымъ, вслѣдствіе назрѣвшей необходимости сообразовать характеръ и формы его съ разширявшимися богослужебными чинами, совершившимися торжественно при пышной обстановкѣ, и б) по причинѣ заимствованій для церк. пѣнія мелодій, употреблявшихся еретиками, въ него проникли элементы, чужды изначальному характеру его.

Къ концу II в. христіанство распространилось по всей „вселенной“:—среди всѣхъ известныхъ въ то время народовъ въ большемъ или въ меньшемъ числѣ были исповѣдники Спасителя.

Въ III в. христіанская Церковь, имѣла своихъ членовъ среди всѣхъ классовъ общества и такъ распространилась въ Римской имперіи, что возбуждался вопросъ о томъ, что должно существовать—язычество или христіанство.